UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN
BOOKSTACKS

CENTRAL CIRCULATION BOOKSTACKS

The person charging this material is responsible for its renewal or its return to the library from which it was borrowed on or before the **Latest Date** stamped below. **The Minimum Fee for each Lost Book is $50.00.**

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

TO RENEW CALL TELEPHONE CENTER, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

AUG 1 3 1994

9/12/94

MAY 0 4 1995

AUG 1 2 2003

When renewing by phone, write new due date below

ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ

ВЪ

ЛОНДОНѢ

СБОРНИКЪ ЕЯ ПЕРВЫХЪ ЛИСТОВЪ

СОСТАВЛЕННЫЙ И ИЗДАННЫЙ

Л. ЧЕРНЕЦКИМЪ.

Въ годину мрака и печали,
Какъ люди русскіе молчали,
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ
Одинъ раздался на чужбинѣ...

Н. ОГАРЕВЪ.

—o—

ЛОНДОНЪ
ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ
136 & 138, Caledonian Road, London, N.
1863.

072.1
D46

1853—1863.

Labor & Industry Ref 22 Japan 47 Rise of Meiji

Десять лѣтъ тому назадъ, въ концѣ Февраля* было разослано объявленіе объ открытіи въ Лондонѣ *Вольной Русской Типографіи.* Въ Маѣ мѣсяцѣ вышелъ первый отпечатанный въ ней листъ, и съ тѣхъ поръ станокъ русскій работалъ неостанавливаясь.

Тяжелое время было тогда : Россія словно вымерла, цѣлые мѣсяцы проходили и не было въ журналахъ ни слова объ ней ; изрѣдка появлялась вѣсть о смерти какого-нибудь дряхлаго сановника, о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени какой-нибудь великой княгини... еще рѣже доходилъ до Лондона сдавленный стонъ, отъ котораго сердце сжималось и ломилась грудь ; частныхъ писемъ почти вовсе не было, страхъ пріостановилъ всѣ связи...

Въ Европѣ было иначе, но не лучше. Наступало пятилѣтіе послѣ 1848 года—и ни ма-

* 21 Февраля 1853 года.

лѣйшей полоски свѣта... темная, холодная ночь облегала со всѣхъ сторонъ...

Съ средой, въ которую я былъ заброшенъ, я становился все далѣе.

Невольная сила влекла меня домой. Были минуты, въ которыя я раскаявался, что отрѣзалъ себѣ пути возвращенія, *возвращенія* въ эту Сибирь, въ этотъ острогъ, передъ которымъ шагалъ двадцатъ восьмой годъ, въ своихъ ботфортахъ, свирѣпой часовой со "свинцовыми пулями" вмѣсто глазъ, съ назадъ бѣгущимъ малайскимъ лбомъ и звѣриными челюстями выдающимся впередъ! Какъ омуты и глубокія воды тянутъ человѣка темной ночью, въ неизвѣстную глубь—тянуло меня въ Россію.

Нѣтъ, казалось мнѣ, столько силъ не могутъ быть задавлены такъ глупо, изсякнуть такъ нелѣпо... И мнѣ представлялись живѣе и живѣе народъ печально сторонящійся и чуждый всѣму что̀ дѣлается и гордая кучка полная доблести и отваги декабристовъ, и восторженно юношескій кругъ нашъ, и московская жизнь послѣ ссылки. Передо мной

носились знакомые образы и виды, луга, лѣса, черныя избы на бѣломъ снѣгу, черты лицъ, звуки пѣсенъ и... и я вѣрилъ въ близкую будущность Россіи, вѣрилъ, *когда всѣ сомнѣвались*, когда не было никакого оправданія вѣрѣ.

Можетъ я вѣрилъ оттого, что не былъ самъ тогда въ Россіи и не испытывалъ на себѣ оскорбительнаго прикосновенія кнута и Николая, можетъ и отъ другаго, но я крѣпко держался за мое вѣрованіе, чувствуя, что когда я и его выпущу изъ рукъ, у меня ничего не останется.

Русскимъ станкомъ я возвращался домой, около него должна была образоваться русская атмосфера... могло-ли быть, чтобъ никто не откликнулся на это первое Vivos Voco?

Но "живъ человѣкъ" на самомъ дѣлѣ не торопился отвѣчать.

Вѣсть о томъ, что мы печатаемъ по-русски въ Лондонѣ—испугала. Свободное русское слово сконфузило и обдало ужасомъ не только дальнихъ, но и близкихъ людей, оно было слишкомъ рѣзко для уха привукнувшаго къ шопоту и молчанію; безцензурная рѣчь производила

боль, казалась неосторожностью, чуть не доносомъ... Многіе совѣтовали остановиться и ничего не печатать; одинъ близкій человѣкъ за этимъ пріѣзжалъ въ Лондонъ. Это было тяжело. На это я не готовился.

"Не они, откликнутся другіе!" и я шелъ своей дорогой, безъ малѣйшаго привѣта, безъ теплаго слова, т. е. безъ теплаго слова *изъ Россіи*; въ Лондонѣ былъ человѣкъ, который понялъ иначе смыслъ нашего станка, одинъ изъ благороднѣйшихъ представителей польскаго изгнанія.

Преждевременно состарѣвшійся, болѣзненный Станиславъ Ворцель,* встрѣпенулся при вѣсти о русской типографіи, онъ помогалъ мнѣ дѣлать заказы, расчитывалъ число буквъ, устроивалъ станокъ въ польской типографіи. Я помню какъ онъ взялъ у меня со стола первый корректурный листъ и долго разсматривая его, сказалъ мнѣ глубоко тронутый : "Боже мой! Боже мой! до чего я дожилъ, вольная русская типографія въ Лондонѣ! Сколько дурныхъ вос-

* Въ концѣ Сборника помѣщена небольшая статья о его кончинѣ изъ "Полярной Звѣзды."

поминаній послѣдняго времени стираетъ съ моей души этотъ клочекъ бумаги замараной голландской сажей!"

Угасая святой старикъ видѣлъ успѣхъ типографіи и передъ смертью благославилъ еще разъ нашъ трудъ своей умирающей рукой.

Этотъ первый листъ, о которомъ идетъ рѣчь* былъ обращенъ къ "Русскому Дворянству" и напоминалъ ему, что пора освобождать крестьянъ, и при томъ съ землею—или быть бѣдѣ.

Второй былъ *о Польшѣ.*

Крестьянское дѣло и *Польскій вопросъ* сами собой легли въ основу русской пропаганды.

И вотъ съ тѣхъ-то поръ, любезный Чернецкій, мы десятый годъ печатаемъ съ вами безъ устали и отдыха, и имѣемъ уже порядочную біографію нашего станка, и порядочный ворохъ книгъ... Дайте вашу руку на новое десятилѣтіе, и не сердитесь, что я повторяю всенародно то, что̀ я вамъ сто разъ говорилъ на единѣ. Помощь, которую вы мнѣ сдѣлали упорной, неусыпной,

* Юрьевъ День! Юрьевъ День!

всегдашней работой, страшно мнѣ облегчила весь трудъ. Братская вамъ благодарность за это, въ лицѣ вашемъ польская помощь и участіе въ нашемъ дѣлѣ не перемежались...Спасибо вамъ!...

... И тѣмъ больше спасибо вамъ, что начала наши были томны и бѣдны. Три года мы печатали, не только не продавъ ни однаго экземпляра, но не имѣя возможности почти ни одного экземпляра послать въ Россію, кромѣ первыхъ летучихъ листовъ отправленныхъ Ворцелемъ и его друзьями въ Варшаву—все печатанное нами лежало у насъ на рукахъ или въ книжныхъ подвалахъ благочестиваго Paternoster Row.

Мы не уныли съ вами... и печатали себѣ—да печатали.

Книгопродавецъ съ Berner Street, какъ-то прислалъ купить на 10 ш. "Крещеной Собственности", я это принялъ за успѣхъ, подарилъ его мальчику шиллингъ на водку и съ нѣсколько буржуазной радостью, отложилъ въ особое мѣсто этотъ *первый* гафсовренъ выработанный русской типографіей.

Сбытъ въ дѣлѣ пропаганды также важенъ

какъ и во всякомъ другомъ. Даже простой, матеріальный трудъ нельзя дѣлать съ любовью, зная что онъ дѣлается напрасно. Заставьте лучшихъ въ мірѣ актеровъ играть въ пустой залѣ, они будутъ играть прескверно. Консисторіи знающія по обязанности своего сана тонкость нравственныхъ пытокъ, приговариваютъ поповъ за воровство, пьянство, и другія свѣтскія слабости *толочь воду*.

Но не все-же мы толкли воду съ вами Чернецкій, пришелъ праздникъ и на нашей улицѣ.

Онъ начался торжественно.

Утромъ 4 Марта я вхожу по обыкновенію часовъ въ восемъ въ свой кабинетъ, развертываю "Теймсъ", читаю, читаю десять разъ и не понимаю, не смѣю понять грамматическій смыслъ словъ, поставленныхъ въ заглавіе телеграфической новости : The death of the Emperor of Russia.

Не помня себя, бросился я съ "Теймсомъ" въ рукѣ въ столовую, я искалъ дѣтей, домашнихъ, чтобъ сообщить имъ великую новость и со слезами искренной радости на глазахъ, подалъ

имъ газету... Нѣсколько лѣтъ свалилось у меня съ плечь долой, я это чувствовалъ. Остаться дома было невозможно. Тогда въ Ричмондѣ жилъ Энгельсонъ,* я на скоро одѣлся и хотѣлъ идти къ нему, но онъ предупредилъ меня и былъ уже въ передней, мы бросились другъ другу на шею и не могли ничего сказать кромѣ словъ: "Ну наконецъ-то онъ умеръ!" Энгельсонъ по своему обыкновенію прыгалъ, перецаловалъ всѣхъ въ домѣ, пѣлъ, плясалъ, и мы еще не успѣли придти въ себя, какъ вдругъ карета остановилась у моего подъѣзда и кто-то неистово дернулъ колокольчикъ, трое поляковъ прискакали изъ Лондона въ Твикнемъ, не дожидаясь поѣзда желѣзной дороги, меня поздравить.

Я велѣлъ подать шампанскаго, никто не думалъ о томъ, что все это было часовъ въ одинадцать утра или ранѣе. Потомъ безъ всякой нужды мы поѣхали всѣ въ Лондонъ. На улицахъ, на биржѣ, въ трактирахъ только

* Авторъ — Видѣній св. Кондратія, статьи "Что такое государство?" въ 1 кн. "Полярной Звѣзды" и пр.

и рѣчи было о смерти Николая, я не видалъ ни одного человѣка, который-бы не легче дышалъ, узнавши что это бѣльмо снято съ глаза человѣчества и не радовался бы, что этотъ тяжелой тиранъ въ ботфортахъ, наконецъ зачисленъ по химіи.

Въ воскресенье домъ мой былъ полонъ съ утра, французскіе, польскіе рефюжье, нѣмцы, итальянцы, даже англійскіе знакомые приходили, уходили съ сіяющимъ лицомъ, день былъ ясный, теплый, послѣ обѣда мы вышли въ садъ.

На берегу Темзы играли мальчишки, я подозвалъ ихъ къ рѣшоткѣ и сказавъ имъ, что мы празднуемъ смерть ихъ и нашего врага, бросилъ имъ на пиво и конфекты цѣлую горсть мелкаго серебра. Уре! Уре! кричали мальчишки Impernikel is dead! Impernikel is dead! гости стали имъ тоже бросать сикспенсы и трипенсы, мальчишки принесли элю, пироговъ, кековъ, привели шарманку и принялись плясать. Послѣ этого пока я жилъ въ Твикнемѣ мальчишки всякій разъ, когда встрѣчали меня на улицѣ снимали шапку и кричали, Impernikel is dead!—Уре!

Смерть Николая удесятерила надежды и силы. Я тотчасъ написалъ напечатанное потомъ письмо къ императору Александру и рѣшился издавать "Полярную Звѣзду."

"Да здравствуетъ разумъ!" невольно сорвалось съ языка въ началѣ программы — *Полярная Звѣзда* скрылась за тучами николаевскаго царствованія. Николай прошелъ и "Полярная Звѣзда" явится снова въ день нашей великой пятницы, въ тотъ день, въ который пять висѣлицъ сдѣлались для насъ пятью распятіями."

Начало царствованія Александра II было свѣтлой полосой. Вся Россія легче вздохнула, приподняла голову и будь воля прокричала-бы отъ всей души съ твикнемскими мальчишками Impernikel is dead! hourray!

Подъ вліяніемъ весенней оттепели и на нашъ стапокъ въ Лондонѣ взлгянули ласковѣе. Наконецъ-то насъ замѣтили. "Полярная Звѣзда" требовалась десятками экземпляровъ, а въ Россіи ее продавали по баснословнымъ цѣнамъ отъ 15 до 20 р. с. Знамя "Полярной Звѣзды,"

требованія поставленныя ею, совпадали съ желаніемъ всего народа русскаго, оттого они и нашли сочувствіе. И когда обращаясь къ только-что воцарившемуся государю, я повторялъ ему: "Дайте свободу русскому слову, уму нашему тѣсно въ цензурныхъ колодкахъ; дайте *волю и землю* крестьянамъ и смойте съ насъ позорное пятно крѣпостнаго состоянія; дайте намъ открытый судъ, и уничтожьте канцелярскую тайну судебъ нашихъ," когда я прибавлялъ къ этимъ простымъ требованіямъ: "Торопитесь притомъ, чтобъ спасти народъ отъ крови!"—я чувствовалъ, я зналъ, что это вовсе не мое личное мнѣніе, а мысль, которая тогда носилась въ русскомъ воздухѣ и волновала каждый умъ, каждое сердце, умъ и сердце царя и крѣпостнаго крестьянина, молодаго офицера, вышедшаго изъ корпуса и студента каково бы онъ университета не былъ. Какъ-бы ни понимали вопросъ, и съ какой-бы стороны его не брали, всѣ видѣли, что петровское самодержавіе совершило свои судьбы, что оно достигло предѣла, послѣ котораго

надобно или правительству переродиться, или народу погибнуть. Если были исключенія, то это только въ корыстныхъ кружкахъ нажившихся негодяевъ или на сонныхъ вершинахъ выжившаго изъ ума барства.

Полпрограммы нашей исполнено самимъ государемъ. Но—русской въ этомъ человѣкъ—онъ остановился на *введеніи* и изобрѣлъ *переходное время,* тормазъ постепенности — и думалъ что все сдѣлано.

Съ той же откровенностью, съ которой русской станокъ въ Лондонѣ — обращался въ 1855 году къ государю, обратился онъ спустя нѣсколько лѣтъ къ народу и говорилъ своимъ читателямъ : "Вы видите, правительство *признало* справедливость нашихъ требованій, но *исполнить* признаннаго не умѣетъ, оно не можетъ выбится изъ рутинной колеи казарменнаго порядка и бюрократической формы. Оно дошло до конца своего разумѣнья, и пятится и даетъ въ сторону и само путается въ какомъ-то, прошнурованномъ и приведенномъ въ канцелярскій порядокъ, хаосѣ... Оно теряетъ голову,

дѣлаетъ жестокости, дѣлаетъ ошибки, явнымъ образомъ боится... Страхъ, соединенный съ властью, вызываетъ озлобленный отпоръ — отпоръ безъ уваженья, безъ обдуманности. Отсюда одинъ шагъ до возстанія. Отъ правительства больше *собственнаго сознанія* правоты того, что̀ требуютъ, ждать нечего. Дѣло переходитъ въ ваши руки, не будьте вялы и неспособны, какъ оно, пусть выборные всего народа разберутъ дѣло и обсудятъ, что̀ чинопоположить и какъ предовратить кровавый взрывъ негодованія и досады."

И говоря это, снова мы чувствуемъ, что это не личное мнѣніе—мысль о Земскомъ Соборѣ носится въ русскомъ воздухѣ. Милютины, Валуевы мѣняютъ его на мелкія губернскія думы; въ дворянскихъ собраніяхъ объ немъ *молчатъ*, но безъ имени Земскій Соборъ какъ королева Марья Антуанета въ дѣлѣ ожерелья—великое *подразумѣваемое*. Купечество и народъ, говорятъ объ немъ, военные *заставятъ его созвать*.

Нѣтъ, живая связь между Россіей и ея небольшой ведетой въ Лондонѣ не порвана... и

самыя ругательства борзыхъ и гончихъ публицистовъ *второй* руки и *третьяго* отдѣленья, которыми охотятся на насъ карлы просвѣщенья и roués внутреннихъ дѣлъ, еще больше удостовѣряетъ насъ, что станокъ нашъ не отчуждился отъ Россіи.

Возвратимся къ нему.

Требованіе на 'Полярную Звѣзду' почти совсѣмъ не распространялось на прежде напечатанныя книги. Только 'Тюрьма и Ссылка' кой какъ расходилась, да маленькія брошюрки въ родѣ 'Крещеной Собственности' и 'Юмора.'*

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1856 года вышла вторая книжка "Полярной Звѣзды," она разошлась увлекая за собой все остальное. Вся масса книгъ тронулась. Въ началѣ 1857 г. не было больше въ типографіи ничего печатнаго и Трюбнеръ предпринялъ на свой счетъ, *вторыя изданія*, всего напечатаннаго нами.†

---

* Т. е. Прерванные разсказы, Тюрьма и Ссылка, Съ того берега, Письма изъ Франціи и Италіи.

† Н. Трюбнеръ вообще принесъ большую пользу русской пропагандѣ, и имя его не должно быть забыто въ Сборникѣ русской типографіи. Сверхъ вторыхъ изданій "Полярной

Работы было столько, что небольшой станокъ нашъ не могъ удовлетворять требованіямъ, и въ 1858, одинъ изъ нашихъ товарищей-изгнанниковъ *Зенонъ Свентославскій* открылъ при своей типографіи русское отдѣленіе. Въ немъ началось печатаніе трюбнеровскихъ изданій.

Съ половины 1857 года издержки типографіи стали покрываться, къ концу 1858 былъ небольшой избытокъ, и около того-же времени открылись двѣ или три русскія типографіи въ Германіи.

Нашъ станокъ чувствовалъ себя *дѣдомъ*.

Время опыта, искуса нашего станка прошло, время слабыхъ бесплодныхъ усилій и безучастія со стороны Россіи миновало.

Въ началѣ 1857 года Огаревъ предложилъ издавать *Колоколъ*.

1 Іюля 1857 г. вышелъ его первый листъ.

Съ изданіемъ *Колокола* начинается второй возрастъ нашего станка. Объ немъ мы не

Звѣзды" и всѣхъ нашихъ книгъ, Н. Трюбнеръ предпринялъ самъ цѣлый рядъ новыхъ изданій на русскомъ языкѣ: "Стихотворенія Н. Огарева, Записки Екатерины II, Записки кн. Дашковой, Записки Лопухина, кн. Щербатовъ и Радищевъ" и пр.

стапемъ говорить теперь. Статьи взошедшія въ Сборникъ Чернецкаго, относятся къ первымъ годамъ русскаго печатанія въ Лондонѣ. Листы собранные въ немъ забыты, разсѣяны, становятся почти библіографической рѣдкостью, намъ кажется, очень полезнымъ ихъ перепечатаніе.

Для насъ листки эти имѣютъ особое значеніе отчета, повѣрки и очистки былаго. Многое въ нихъ не зрѣло, на всемъ лежитъ печать инаго времени, суровая тѣнь Николая отбрасывается на каждую страницу, затемняя всякую свѣтлую мысль, раздражая до ненависти каждое чувство, сквозя черной подкладкой изъ подъ каждой надежды. Большая часть того, что̀ теперь сдѣлалось неоспоримымъ событіемъ, носилась тогда какъ предчувствіе... По исполнившимся предчувствіямъ, мы больше и больше имѣемъ права заключить, что мы не ошиблись и о другихъ.

Воля будетъ у Россіи,

Земля будетъ у крестьянъ,

Независимость будетъ у Польши!

Искандеръ.

ВОЛЬНОЕ РУССКОЕ КНИГОПЕЧАТАНІЕ

ВЪ ЛОНДОНѢ.

БРАТЬЯМЪ НА РУСИ.

Отчего мы молчимъ?

Неужели намъ нечего сказать?

Или неужели мы молчимъ оттого, что мы не смѣемъ говорить?

Дома нѣтъ мѣста свободной русской рѣчи, она можетъ раздаваться индѣ, если только ея время пришло.

Я знаю какъ вамъ тягостно молчать, чего вамъ стоитъ скрывать всякое чувство, всякую мысль, всякой порывъ.

Открытая, вольная рѣчь—великое дѣло; безъ вольной рѣчи—нѣтъ вольнаго человѣка. Не даромъ за нее люди даютъ жизнь, оставляютъ отечество, бросаютъ достояніе. Скрывается только слабое, боящееся, незрѣлое. "Молчаніе знакъ согласія,"—оно явно выражаетъ отрѣченіе, безнадежность, склоненіе головы, сознанную безвыходность.

Открытое слово—торжественное признаніе, переходъ въ дѣйствіе.

Время печатать по русски внѣ Россіи, кажется намъ, пришло. Ошибаемся мы или нѣтъ, это покажете вы.

Я первый снимаю съ себя вериги чужаго языка и снова принимаюсь за родную рѣчь.

Охота говорить съ чужими проходитъ. Мы имъ разсказали какъ могли о Руси и мірѣ славянскомъ; что можно было сдѣлать—сдѣлано.

Но для кого печатать по русски за границею, какъ могутъ расходиться въ Россіи запрещенныя книги?

Если мы все будемъ сидѣть сложа руки, и довольствоваться безплоднымъ ропотомъ и благороднымъ негодованіемъ, если мы будемъ благоразумно отступать отъ всякой опасности и встрѣтивъ препятствіе, останавливаться, не дѣлая опыта ни перешагнуть, ни обойти — тогда долго не придутъ еще для Россіи свѣтлые дни.

Ничего не дѣлается само собою, безъ усилій и воли, безъ жертвъ и труда. Воля людская, воля однаго твердаго человѣка — страшно велика.

Спросите какъ дѣлаютъ наши польскіе братья, сгнетенные больше васъ. Въ продолженіи двадцати лѣтъ развѣ они не разсылаютъ по Польшѣ все что хотятъ, минуя цѣпи жандармовъ и сѣти доносщиковъ.

И теперь вѣрные своей великой хоругви, на которой было написано: *За нашу и вашу вольность* — они протягиваютъ вамъ руку; они вамъ облегчаютъ три четверти труда, остальное можете вы сдѣлать сами.

Польское демократическое товарищество въ Лондонѣ въ знакъ его братскаго соединенія съ вольными людьми русскими, предлагаетъ вамъ свои средства для доставленія книгъ въ Россію и рукописей отъ васъ сюда.

Ваше дѣло найти и вступить въ сношеніе.

Присылайте что̀ хотите, все писанное въ духѣ свободы будетъ напечатано, отъ научныхъ и фактическихъ статей по части статистики и исторіи, до романовъ, повѣстей и стихотвореній.

Мы готовы даже печатать безденежно.

Если у васъ нѣтъ ничего готоваго, своего, пришлите ходящія по рукамъ запрещенныя стихотворенія Пушкина, Рылѣева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др.

Приглашеніе наше столько-же относится къ панславистамъ, какъ ко всѣмъ свободномыслящимъ русскимъ. Отъ нихъ мы имѣемъ еще больше права ждать, потому что они исключительно занимаются Русью и славянскими народами.

Дверь вамъ открыта. Хотите-ли вы ею воспользоваться или нѣтъ? это останется на вашей совѣсти.

Если мы не получимъ ничего изъ Россіи—это будетъ не наша вина. Если вамъ покой дороже свободной рѣчи—молчите.

Но я не вѣрю этому—до сихъ поръ никто ничего не печаталъ по русски за границею, потому что не было свободной типографіи. Съ перваго Мая 1853 типографія будетъ открыта. Пока въ ожиданіи, въ надеждѣ получить отъ васъ что нибудь, я буду печатать свои рукописи.

Еще въ 1849 году я думалъ начать въ Парижѣ печатаніе русскихъ книгъ; но гонимый изъ страны въ страну, преслѣдуемый рядомъ страшныхъ бѣдствій, я не могъ исполнить моего предпріятія. Къ тому-же я былъ увлеченъ; много времени, сердца, жизни и средствъ принесъ я на жертву западному дѣлу. Теперь я себя въ немъ чувствую лишнимъ.

Быть вашимъ органомъ, вашей свободной, безцензурной рѣчью—вся моя цѣль.

Не столько новаго, своего хочу я вамъ разсказывать, сколько воспользоваться моимъ положеніемъ для того, чтобъ вашимъ невысказаннымъ мыслямъ, вашимъ затаеннымъ стремленіямъ дать гласность, передать ихъ братьямъ и друзьямъ, потеряннымъ въ нѣмой дали русскаго царства.

Будемъ вмѣстѣ искать и средствъ и разрѣшеній, для того чтобъ грозныя событія, собирающіяся на Западѣ, не застали насъ въ расплохъ или спящими.

Вы любили нѣкогда мои писанія. То что я теперь скажу не такъ юно и не такъ согрѣто тѣмъ свѣтлымъ и радостнымъ огнемъ и той ясной вѣрою въ близкое будущее, которые прорывались сквозь цензурную рѣшетку. Цѣлая жизнь погребена между тѣмъ временемъ и настоящимъ; но за утрату многаго, искусившаяся мысль стала зрѣлѣе, мало вѣрованій осталось, но оставшіяся прочны.

Встрѣтьте-же меня какъ друзья юности встрѣчаютъ воина возвращающагося изъ службы, состарѣвшагося, израненаго, но который честно

сохранилъ свое знамя и въ плѣну и на чужбинѣ—и съ прежней безпредѣльной любовью подаетъ вамъ руку на старый союзъ нашъ во имя *Русской и Польской свободы.*

Александръ Герценъ (Искандеръ.)

Лондонъ 21 Февраля 1853.

ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ! ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ!

РУССКОМУ ДВОРЯНСТВУ.

Первое вольное русское слово изъ за границы пусть будетъ обращено къ вамъ.

Въ вашей средѣ развилась потребность независимости, стремленіе къ свободѣ и вся умственная дѣятельность послѣдняго вѣка.

Между вами находится то самоотверженное меньшинство, которымъ искупается Россія въ глазахъ другихъ народовъ и въ собственныхъ своихъ.

Изъ вашихъ рядовъ вышли Муравьевъ и Пестель, Рылѣевъ и Бестужевъ.

Изъ вашихъ рядовъ вышли Пушкинъ и Лермонтовъ.

Наконецъ и мы оставившіе родину, для того чтобъ хоть въ чужѣ раздавалась свободная русская рѣчь, вышли изъ вашихъ рядовъ.

Къ вамъ первымъ мы и обращаемся.

Не съ словами упрёка, не съ невозможнымъ на сію минуту зовомъ на бой, а съ дружескою

рѣчью объ общемъ горѣ, объ общемъ стыдѣ и съ братскимъ совѣтомъ.

Горестно, стыдно быть рабами, но всего горестнѣе и больнѣе сознавать, что рабство наше необходимо, что оно въ порядкѣ вещей, что оно естественное слѣдствіе.

На нашей душѣ лежитъ великій грѣхъ, мы его унаслѣдовали, и въ этомъ невиноваты, но мы удерживаемъ неправо унаслѣдованное, оно стягиваетъ насъ какъ тяжелый камень на дно и съ нимъ на шеѣ мы не всплывемъ.

Мы рабы — потому что наши праотцы продали свое человѣческое достоинство за нечеловѣческія права, а мы пользуемся ими.

Мы рабы—потому что мы господа.

Мы слуги—потому что мы помѣщики, и помѣщики безъ вѣры въ наше право.

Мы крѣпостные—потому что держимъ въ неволѣ нашихъ братій равныхъ намъ по рожденію, по крови, по языку.

Нѣтъ свободы для насъ, пока проклятіе крѣпостнаго состоянія тяготитъ надъ нами, пока у насъ будетъ существовать гнусное, позорное, ничѣмъ неоправданное рабство крестьянъ.

Съ Юрьева дня начнется новая жизнь Россіи, съ Юрьева дня начнется наше освобожденіе.

Нельзя быть свободнымъ человѣкомъ и имѣть дворовыхъ людей, купленныхъ какъ товаръ, проданныхъ какъ стадо.

Нельзя быть свободнымъ человѣкомъ и имѣть право сѣчь мужиковъ и посылать дворовыхъ на съѣзжую.

Нельзя даже говорить о правахъ человѣческихъ будучи владѣльцемъ человѣческихъ душъ.

Развѣ царь не можетъ сказать : "Вы хотите быть свободными — съ какой стати ? Берите оброкъ съ вашихъ крестьянъ, берите ихъ трудъ, берите ихъ дѣтей во дворъ, обмѣривайте ихъ землею, продавайте ихъ, покупайте, переселяйте, бейте, сѣките ихъ—а если устали, посылайте ко мнѣ въ полицію, я охотно буду сѣчь за васъ. Мало вамъ этого, что ли ? надобно честь знать! Предки наши уступили вамъ часть нашего самодержавія ; кабаля вамъ свободныхъ людей, они оторвали полу царской багряницы своей и бросили её на бѣдность вашимъ отцамъ ; вы не отказались отъ нее, вы покрываетесь ею, живете подъ нею—какая же можетъ быть между нами рѣчь о свободѣ? Оставайтесь крѣпки царю, пока православные крѣпки вамъ. Съ чего помѣщикамъ быть свободными людьми ?"

И царь будетъ правъ.

Многіе изъ васъ желали освобожденія крестьянъ, Пестель и его друзья ставили освобожденіе ихъ своимъ первымъ дѣломъ. Спорили съ начала о томъ: съ землею или безъ земли дать волю? Потомъ всѣ увидѣли нелѣпость освобожденія въ голодъ, въ бродяжничество, и вопросъ шелъ только о количествѣ земли и о возможномъ возмездіи за нее.

Въ самыхъ помѣщичьихъ губерніяхъ, въ Пензѣ и Тамбовѣ, въ Ярославлѣ и Владимірѣ, въ Нижнемъ и наконецъ въ Москвѣ вопросъ объ освобожденіи находилъ сочувствіе и нигдѣ не встрѣчалъ того остервененія, съ которымъ американскіе помѣщики защищаютъ свои черныя права.

Тульское дворянство подало проэктъ; въ десяти другихъ губерніяхъ совѣщались, дѣлали предположенія.

И вдругъ дворяне и правительство перепугались, и изъ ихъ дрожащихъ рукъ выпали всѣ благія начинанія.

А бояться было вовсе нечего; разливъ 1848 года былъ слишкомъ мелокъ, чтобъ попять наши степи.

Съ тѣхъ поръ все заснуло.

Куда дѣлось меньшинство, которое шумѣло въ петербургскихъ и московскихъ гостинныхъ объ освобожденіи крестьянъ?...

Чѣмъ кончились всѣ эти комитеты, совѣщанія, проэкты, планы, предположенія?...

Наше сонное бездѣйствіе, вялая невыдержка, страдательная уступчивость, наводятъ грусть и отчаяніе. Съ этой распущенностью мы дошли до того, что правительство насъ не гонитъ, а только пугаетъ и еслибъ не юношеская, полная отваги и безразсудства исторія Петрашевскаго и его друзей, можно бы было подумать, что вы поладили съ Николаемъ Павловичемъ и живете съ нимъ душа въ душу.

А между тѣмъ въ деревняхъ становится не ловко. Крестьяне посматриваютъ угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякія вѣсти бродятъ. Тамъ-то помѣщика съ семьей сожгли, тамъ-то убили другаго цѣпами и вилами, тамъ то прикащика задушили бабы на полѣ, тамъ то *камергера* высѣкли розгами и взяли съ него подписку молчать.

Крѣпостное состояніе явнымъ образомъ надоѣло мужикамъ, они только не умѣютъ приняться собща за дѣло. Вы съ своей стороны знаете, что шагу впередъ нельзя сдѣлать безъ

освобожденія крестьянъ. Но оно-то по счастію всего больше зависитъ отъ васъ.

Зависитъ сегодня. Мы не знаемъ что̀ будетъ завтра.

Чегожъ вы ждете въ самомъ дѣлѣ?

Разрѣшенія правительства? Оно дало вамъ какой-то лукавый и двусмысленный намекъ въ 1842 году. Вы имъ не воспользовались.

Да и какое тутъ позволеніе? Насильно заставить владѣть невозможно, это было бы тиранство совершенно новаго рода, обратная конфискація.

Вникните въ наши слова, поймите ихъ.

На сію минуту вы имѣете за себя больше нежели право,* фактъ владѣнія—власть. Такъ или иначе, но ключь отъ цѣпи у васъ въ рукахъ. Намъ кажется умнѣе, *разсчетливѣе* уступить нежели ждать взрыва. Умнѣе бросить за бортъ долю груза, нежели дать утонуть всему кораблю.

---

* Всякое дворянство на Западѣ можетъ сослаться на какія нибудь слабыя, призрачныя права владѣнія крестьянами; у насъ и тѣхъ нѣтъ. Не кровью пріобрѣло русское дворянство рабовъ, а рядомъ полицейскихъ мѣръ, низкимъ потворствомъ царей, плутнями чиновниковъ и безстыдной алчностью своихъ праотцевъ.

Мы не предлагаемъ вамъ какъ Христосъ Никодиму раздать ваше достояніе изъ самоотверженія, у насъ нѣтъ вамъ рая въ замѣну за такую жертву. Мы ненавидимъ фразы и вовсе не вѣримъ въ повальное великодушіе, ни въ безкорыстіе цѣлыхъ сословій. Французское дворянство 4го Августа 1792 г. поступило въ десять разъ больше умно нежели самоотворженно.

Взвѣсьте что̀ вамъ выгоднѣе, освобожденіе крестьянъ съ землею и съ вашимъ участіемъ, или борьба противъ освобожденія съ участіемъ правительства? Взвѣсьте что̀ выгоднѣе, начать собой новую свободную Русь и полюбовно рѣшить тяжелый вопросъ съ крестьянами, или начать противъ нихъ крестовый походъ съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ розгой въ другой? Если есть только будущность Руси и міру славянскому *: крестьяне будутъ свободны...*

Или вовсе не будетъ Россіи и слѣдъ ея, отмѣченный ненужной кровью и дикими побѣдами, исчезнетъ мало по малу какъ слѣдъ татаръ, какъ второй неудачный слой сѣвернаго населенія послѣ финновъ. Государство, не умѣющее отдѣлаться отъ такаго черного грѣха, такъ глубоко взошедшаго во внутреннее строе-

ніе его—не имѣетъ права ни на образованіе, ни на развитіе, ни на участіе въ дѣлѣ исторіи.

Но ни вы не вѣрите такой страшной будущности, ни я.

И вы и я, мы чувствуемъ и знаемъ, что освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо.

Если вы не съумѣете ничего сдѣлать, они все-таки будутъ свободны, по царской милости или по милости пугачевщины.

Въ обоихъ случаяхъ вы погибли, а съ вами и то образованіе, до котораго вы доработались трудным путемъ, оскорбительными униженіями и большими неправдами.

Больно, если освобожденіе выйдетъ изъ Зимняго Дворца, власть царская оправдается имъ передъ народомъ и раздавивши васъ, сильнѣе укрѣпитъ свое самовластіе нежели когда-либо.

Страшна и пугачевщина, но скажемъ откровенно, если освобожденіе крестьянъ не можетъ быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено. Страшныя преступленія влекутъ за собой страшныя послѣдствія.

Это будетъ одна изъ тѣхъ грозныхъ историческихъ бѣдъ, которыя предвидѣть и избѣгнуть

заблаговременно можно, но отъ которыхъ спастись въ минуту разгрома трудно или совсѣмъ нельзя.

Вы читали исторію пугачевскаго бунта, вы слыхали разсказы о старорусскомъ возстаніи.

Наше сердце обливается кровью при мысли о невинныхъ жертвахъ, мы впередъ ихъ оплакиваемъ, но склоняя голову скажемъ: пусть совершается страшная судьба, которую предупредить не умѣли, или не хотѣли.

Еслибъ мы думали, что эта чаша не отвратима, мы не обратились-бы къ вамъ, наши слова были бы тогда праздны, или походили-бы на неумѣстную и злую насмѣшку.

Совсѣмъ напротивъ, мы увѣрены, что нѣтъ никакой роковой необходимости, чтобъ каждый шагъ впередъ для народа былъ отмѣченъ грудами труповъ. Крещеніе кровью великое дѣло, но мы не раздѣляемъ свирѣпой вѣры, что всякое освобожденіе, всякой успѣхъ долженъ непремѣнно пройти черезъ него.

Неужели грозные уроки былаго всегда будутъ нѣмы?

И кого можетъ лучше поучать прошедшее и настоящее, какъ не васъ: вы зрители, вы смотрите сложа руки на грозную борьбу совершающуюся въ Европѣ.

Чѣмъ дошла она, за исключеніемъ Англіи до петербургскаго управленія, до того, что образованнѣйшіе города ея превратились въ съѣзжіе дворы, Парижъ — въ человѣческую бойню, Франція—въ католическую Сибирь, Германія —въ остъзейскія провинціи? Упорнымъ нехотѣніемъ уступать тому мощному вѣянію, которое неотразимо двигаетъ родъ людской.

Западные мѣщане все потеряли — честь, покой, свободу, все такъ трудно нажитое ихъ собственною кровью,—и чтоже, побѣдили-ли они тотъ натискъ страстныхъ стремленій къ новому общественному чину, котораго они такъ боятся? Нѣтъ. Правда, сломленные, оттолкнутые порывы отступили, но не исчезли, не уничтожились, они бродятъ и роются глубже въ тайникахъ сердца человѣческаго, дѣлаютъ горькую мысль, острую кровь и трепетнымъ огнемъ гнѣва пробѣгаютъ суставы всего тѣла.

Вмѣсто общественнаго пересозданія готовится общественное разрушеніе. Мало будетъ теперь тѣмъ, которые такъ добродушно обѣщали три мѣсяца голода, и дали пять лѣтъ мученичества, мало для нихъ теперь однаго водворенія новаго, имъ надобна месть. Они заслужили эту награду.

Учитесь пока еще есть время.

Мы еще вѣримъ въ васъ, вы дали залоги, наше сердце ихъ не забыло, вотъ почему мы не обращаемся прямо къ несчастнымъ братьямъ нашимъ для того, чтобъ сосчитать имъ ихъ силы, которыхъ они не знаютъ; указать имъ средства, о которыхъ они не догадываются, растолковать имъ вашу слабость, которую они не подозрѣваютъ; для того, чтобъ сказать имъ:

"Ну, братцы, къ топорамъ теперь. Не вѣкъ намъ быть въ крѣпости, не вѣкъ ходить на барщину, да служить во дворѣ; постоимте за святую волю, довольно натѣшились надъ нами господа, довольно осквернили дочерей нашихъ, довольно обломали палокъ объ ребра стариковъ..... Нутка, дѣтушки, соломы, соломы къ господскому дому, пусть баричи погрѣются въ послѣдній разъ!"

Вмѣсто этой рѣчи мы вамъ говоримъ: предупредите большія бѣдствія, пока это въ вашей волѣ.

Спасите себя отъ крѣпостнаго права и крестьянъ отъ той крови, которую они должны будутъ пролить.

Пожалѣйте дѣтей своихъ, пожалѣйте совѣсть бѣднаго народа русскаго.

Но торопитесь,—время страдное, ни однаго часа терять нельзя.

Горячее дыханіе больной, выбившейся изъ силъ Европы, вѣетъ на Русь переворотомъ. Царь отгородилъ васъ заборомъ, но въ казенномъ заборѣ его есть щели и сквозной вѣтеръ, сильнѣе вольнаго.

Наступающій переворотъ не такъ чуждъ русскому сердцу какъ прежніе. Слово *соціализмъ* неизвѣстно нашему народу, но смыслъ его близокъ душѣ русскаго человѣка, изживающаго вѣкъ свой въ сельской общинѣ и въ работнической артели.

Въ соціализмѣ встрѣтится Русь съ революціей.

Такихъ океаническихъ потоковъ нельзя въ самомъ дѣлѣ остановить томоженными мѣрами и розгами.... Посторопитесь, если не хотите быть потопленными, или плывите по теченію.

... Можетъ тѣ изъ васъ, которые не хотятъ освобожденія, думаютъ, что царь поможетъ имъ въ разгромѣ.

Они привыкли къ свирѣпымъ военнымъ усмиреніямъ, они привыкли къ роли палача, которую правительство такъ охотно беретъ на себя по требованію помѣщика. Они

привыкли къ его преступной глухотѣ къ крестьянскимъ жалобамъ и къ его позорному потворству противузаконнымъ продажамъ, чрезмѣрнымъ податямъ, насильственному употребленію крестьянъ внѣ деревни.....

Быть можетъ въ самомъ дѣлѣ царь поможетъ тѣми средствами — которыми его *благословенный* предшественникъ помогъ введенію военныхъ поселеній, засѣкая до смерти десятаго, двадцатаго человѣка.... Можетъ...

Но если вы воспользуетесь съ ними вмѣстѣ царской защитой, тогда смотрите, ведите себя хорошо и смирно; забудьте всякое человѣческое достоинство, и рѣчь сколько-нибудь свободную и мечту о личной независимости, будьте тогда вѣрноподданными и только вѣрноподданными.

Не то, вспомните, если юродивый австрійскій императоръ, отрѣшенный отъ дѣлъ за неспособность, нашелъ средство унять галицкихъ помѣщиковъ съ своимъ сообщникомъ Шелой — что съ вами сдѣлаютъ Николай Павловичъ и его дѣти?

ПОЛЯКИ ПРОЩАЮТЪ НАСЪ!

Кровь и слезы, отчаянная борьба и страшная побѣда соединили Польшу съ Россіей.

По клоку отрывала Русь живое мясо Польши, отрывала провинцію за провинціей, и какъ неотразимое бѣдствіе, какъ мрачная туча подвигалась все ближе и ближе къ ея сердцу. Гдѣ она не могла взять силой, она брала хитростью, деньгами, уступала своимъ естественнымъ врагамъ и дѣлилась съ ними добычей.

Изъ за Польши приняла Россія первый черный грѣхъ на душу. Раздѣлъ ея останется на ея совѣсти. Менѣе преступно было бы взять сразу всю Польшу за себя, чѣмъ дѣлиться ею съ нѣмцами.

Варшава и Царьградъ были двѣ мучительныя мечты, два манящіе призрака, не дававшіе спать Зимнему Дворцу.

Александръ, послѣ 1812 года, побѣдилъ всю Европу, а взялъ только Польшу. Его войска вступая въ Парижъ, завоевали собственно одну Варшаву.

Европа, тогда уже дряхлая и опустившаяся, безсмысленно отдала Польшу, отдала ее въ Вѣнѣ, спасенной полякомъ. Европа думала, что послѣ взятія Парижа, нечего бояться. Она была обеспечена съ запада. Никому въ голову не пришло, что за то дорога съ востока была протоптана казаками.

Александръ увѣрилъ Европу, что можно быть русскимъ императоромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ королемъ польскимъ. Онъ увѣрилъ, что петербургскій самодержецъ можетъ быть конституціоннымъ государемъ въ Варшавѣ.

Это была ложь.

Лицемѣрную ложь замѣнилъ Николай свирѣпой истиной.

Чувствуя грубую руку его, Польша возстала.

Послѣ девяностыхъ годовъ ничего не было ни доблестнѣе, ни поэтичнѣе этого возстанія. Это не трехъ-дневный бой на улицахъ, это не невзначай одержанная побѣда надъ войскомъ взятымъ въ расплохъ и не расположеннымъ драться — это была отчаянная война десяти

мѣсяцевъ. Война, которую вело цѣлое войско, противъ войска втри раза сильнѣйшаго; войско, ставшее за народъ, умиравшее за народъ, а не за власть, не за палачей.

Задавленные силой, преданные западными правительствами и своими измѣнниками, поляки сражаясь на каждомъ шагу, отступали. Перейдя границу, они взяли съ собой свою родину и не склоняя головы гордо и угрюмо пронесли ее по свѣту.

Европа разступилась съ уважаніемъ передъ торжественнымъ шествіемъ отважныхъ бойцевъ.

Народы выходили къ нимъ на поклонъ. Цари сторонились, чтобъ дать имъ пройти.

Европа проснулась на минуту отъ ихъ шаговъ, нашла слезы и участіе, нашла деньги и силу ихъ дать.

Благородный образъ польскаго выходца, этаго крестоваго рыцаря свободы, остался въ памяти народной. Онъ искупалъ вѣкъ малодушный и холодный, онъ примирялъ человѣка съ людьми и оживлялъ надежды давно заснувшія.

Двадцать лѣтъ на чужбинѣ, въ нуждѣ и лишеніяхъ, въ потѣ лица заработывая скудный кусокъ хлѣба, часто притѣсненные и гонимые

изъ страны въ страну, польскіе выходцы неусыпно трудились съ одной завѣтной мыслію возрожденія свободной Польши. И вѣра ихъ не поблѣднѣла отъ грозныхъ событій и любовь ихъ не простыла отъ всевозможныхъ оскорбленій и дѣятельность ихъ не притупилась и мышцы не ослабли отъ устали и безуспѣшности. Совсѣмъ напротивъ, на всякой роковой перекличкѣ, въ грозные дни борьбы и опасности, они первые отвѣчали "Здѣсь!" какъ сказалъ одинъ изъ ихъ вожатаевъ. И дѣйствительно бѣлокурый сынъ Польши являлся въ первыхъ рядахъ всѣхъ народныхъ возстаній, принимая всякой бой за вольность—боемъ за Польшу.

Но не все ихъ отечество было на чужбинѣ.

Въ то время какъ одна Польша шла на Западъ, спасая удаленіемъ родину; другая Польша въ цѣпяхъ шла въ Сибирь, спасая ее мученичествомъ. Все живое, все не умолкнувшее, все надѣевшееся, юное и старое, женщины, монахи и дѣти—все шло въ снѣжныя степи.

Двадцать лѣтъ съ тою-же упорностью, съ тою-же настойчивостью, свирѣпствовалъ въ Польшѣ царь, попирая ногами все польское, все человѣческое.

Прибивъ къ землѣ послѣдніе ростки, онъ снялъ границу между Польшей и Россіей....

— Неужели во всемъ этомъ только и смысла что кровавая борьба, изгнаніе, ссылка, позорная побѣда, неправое стяженіе?

Нѣтъ. Сквозь мрачный рядъ событій, сквозь дымящуюся кровь, черезъ висѣлицы, черезъ головы царя и палачей просвѣчиваетъ иной день. Изъ за насильственнаго единства, виднѣется единство свободное, изъ за единства поглащающаго Польшу Россіей, единство основанное на признаніи равенства и самобытности обоихъ, изъ за царскаго соединенія соединеніе народное. Скованные по неволѣ колодники, всматриваясь болѣе и болѣе, узнали другъ въ другѣ братьевъ; таже кровь сказалась и семейная вражда изсякаетъ.

Вражда! Откуда она?...Откуда взялось это непреодолимое чувство непріязни, которое влекло сначала Польшу въ Русь, потомъ Русь въ Польшу.

Намъ всегда была подозрительна эта ненависть, намъ не вѣрилось этой враждѣ. Не крылось-ли подъ ними желаніе пополнить себя, не было-ли въ сосѣдской зависти, неяснаго чувства обоюдной неполноты и односторонности?

Имъ не доставало другъ друга, а онѣ терзали, уничтожали одна другую.

Русь сильная единоплеменностью, народнымъ чувствомъ своей цѣлости, своего братства, срослась въ огромное государство. Но въ этомъ печальномъ государствѣ явнымъ образомъ чего-то не доставало. Жизнь его скрылась по деревнямъ или стремилась къ закраинамъ, выступая безпрерывно за свои предѣлы, какъ будто томимая тоской, она искала убѣжища отъ внутренней тѣсноты, отъ царскаго гнета, и не находила, потому что всюду несла съ собою его мертвящую власть.

Русь сохранила общину, развила государство, образовала войско, но не развила вольнаго человѣка.

Противъ нее *равной* передъ своимъ гнетомъ, стояла Польша, *неравная* въ своей свободѣ.

Личность признанная Польшей за вольную, была облечена во все самодержавіе человѣческаго достоинства, она была вѣнцомъ славы и побѣднымъ вѣнцомъ польскаго развитія. Царственное "*непозволяю*" принадлежавшее всякому свободному человѣку, непонятное вѣрноподданнымъ ариѳметическаго большинства голосовъ, выражаетъ чистѣйшимъ образомъ славянское начало единодушія и безпредѣльной воли лица.

Но *другія* личности въ Польшѣ не были свободны и съ этимъ противурѣчіемъ она сладить не могла.

Славяне не умѣютъ долго и умѣренно жить въ двойствѣ народной неволи и аристократической свободы. Тотъ или другой элементъ непремѣнно выступитъ изъ всѣхъ границъ. Свободный дѣлается тираномъ; исключенный изъ правъ—рабомъ.

Можетъ всѣ Славяне рабы оттого, что они не могутъ быть всѣ свободны.

Польша утратила на время нераздѣльную цѣлость, государственное значеніе, въ искупленіе своего отчужденія, своего западнаго аристократизма, своей преданности папежу.

Ей надобно было, волей или неволей, снова сблизиться съ славянскимъ міромъ, вспомнить свое славянское начало. Польша не Венгрія, не безродная, не одна на свѣтѣ, съ правой и съ лѣвой стороны, на Югъ и на Сѣверъ, она окружена Славянами.

Свою односторонность Польша много искупила отвагой въ бою, непреклонностью въ изгнаніи, мучениками безпрерывно падающими подъ царскимъ гоненіемъ, подъ вражьими пулями, подъ топоромъ палачей.

Не доставало еще одной жертвы. Она приносится *теперь*.

Поляки болѣе и болѣе сближаются съ русскими.

Мы говоримъ о Польшѣ демократической, народной, современной.

Для нея, та Польша, которая ненавидѣла Россію, о которой мечтали ея олигархи и ея полководцы становится также чужда, какъ петербургская Русь. Съ той разницей, что одна имѣетъ за себя силу, а другая противъ себя свое безсиліе.

Мы всегда искали этой близости, — съ нашей стороны тутъ нѣтъ и достоинства, мы виноваты, мы оскорбители, насъ угрызала совѣсть, насъ мучилъ стыдъ. Ихъ Варшава пала подъ нашими ядрами и мы ничѣмъ не умѣли показать ей наше сочувствіе, кромѣ скрытыхъ слезъ, осторожнаго шопота и робкаго молчанія.

Муравьевъ, Пестель и ихъ друзья, первые протянули руку полякамъ. Народъ польскій, въ то время какъ Сеймъ произносилъ низверженіе дома Романовыхъ, служилъ въ Варшавѣ торжественную панихиду Муравьеву, Пестелю и ихъ друзьямъ.

Но между тѣмъ временемъ и нашимъ, прошелъ черный 1831 годъ. Россія вполнѣ заслужила новую ненависть Польши...

. . . Послѣ долгихъ годовъ озлобленія, раздался наконецъ голосъ Мицкевича, говорившій о томъ великомъ славянскомъ единствѣ, которое должно покрыть частную вражду Польши и Россіи.

Въ 1845 году польскіе демократы въ Лондонѣ обратились съ теплой рѣчью къ русскимъ, и спрашивали себя и ихъ : "Откуда эта ненависть слишкомъ ожесточенная, чтобъ быть продолжительной, слишкомъ долгая, чтобъ быть естественной. Думалъ-ли кто-нибудь изъ васъ объ ней, отдали-ли мы себѣ въ ней отчетъ ?"

И они звали на примиреніе и на общую борьбу.

Голосъ ихъ не дошелъ до насъ; но тогда уже молодежь всѣхъ русскихъ университетовъ, тѣсно соединялась съ польскими юношами, присылаемыми къ намъ правительствомъ.

Наканунѣ февральской революціи, нашъ Бакунинъ явился передъ собраніемъ поляковъ, праздновавшихъ годовщину варшавскаго возстанія. Онъ просилъ забвенія прошедшему и предлагалъ во имя юной Россіи союзъ и братство.

Его рѣчь была принята кликами сочувствія. Но не смотря на все на это, скажемъ откровенно, истиннаго мира и соглашенія не было.

Трудно было полякамъ переломить вѣковой предразсудокъ и забыть свѣжее оскорбленіе. Палачей своихъ никто не любитъ, какъ бы казни ни были чужды ихъ сердцу. Надобенъ былъ длинной трудъ мысли, рядъ испытаній для того, чтобъ подвигнуть поляковъ не только на забвеніе былаго, но на соединіе съ нами.

Вотъ та новая жертва, которая требовалась отъ ихъ безграничной преданности.

Они ее приносятъ. Послѣ столькихъ потерь, столькихъ жертвъ, они жертвуютъ самой *ненавистью.*

Пока міръ тщетно ждетъ царской амнистіи полякамъ, Польша даетъ амнистію народу русскому.

Еще болѣе. Она въ лицѣ своихъ демократическихъ вожатаевъ протягиваетъ вамъ свою руку.

И это болѣе нежели соединеніе двухъ непріятелей противъ однаго общаго врага.

Великій полякъ Конарскій принесшій свою грудь палачамъ изъ за границы для того, чтобъ проповѣдывать свободу въ польско-русскихъ

губерніяхъ и неизвѣстный русскій офицеръ Караваевъ, погибнувшій, желая спасти Конарскаго, осужденнаго на смерть—вотъ первообразъ того соединенія, о которомъ идетъ рѣчь.

Торопитесь взять протянутую вамъ руку, она васъ будитъ, она вамъ напоминаетъ, что вашъ часъ приближается, что пора наконецъ вамъ завоевать человѣческое достоинство или потерять на него права ваши.

Рука эта въ тоже время рука Муравьева и Пестеля.

Вы полны прекрасныхъ стремленій, но вы неопытны какъ дѣти, вы гибнете понапрасну или сидите сложа руки; увлекаетесь невозможными надеждами, или отдаетесь неоправданному отчаянію. Все что вы дѣлаете не имѣетъ ни единства, ни опредѣленной цѣли. Отъ того всѣ ваши стремленія, усилія выдыхаются безплодно, ваша мысль объемиста и глубока, ваше сердце свѣже, вы знаете народъ, вы не свихнули свой умъ, не испортили своего инстинкта, не истощили своихъ силъ середь ложныхъ страстей, середь безсильной болтовни, завистливыхъ притязаній и застарѣлаго растлѣнія.

Но при всемъ этомъ вы праздны.

Внутренній трудъ, созерцаніе, изученіе дали вамъ много, но они не дадутъ вамъ теперь ничего больше. Мысль и такъ опередила событія. Мысль безъ дѣлъ мертва, какъ вѣра. Чѣмъ болѣе она расходится съ жизнію, тѣмъ она становится суше, холоднѣе, безстрастнѣе, ненужнѣе. Германія служитъ вамъ примѣромъ и угрозой.

Одно теоретическое развитіе, отвлеченное и не переводимое въ жизнь, противно славянскому характеру. Для васъ это слишкомъ мало и слишкомъ легко.

Безплодное негодованіе, ученые споры, благородныя стремленія, тоска по свободѣ и весь этотъ революціонный эпикуреизмъ и лиризмъ, не идетъ намъ болѣе, мы выросли изъ него; онъ слишкомъ сбивается на смиренныя упованія христіанъ, которыхъ невозможность имъ самимъ очевидна, но которыя они поддерживаютъ для нервнаго раздраженія.

"Наше время, говорятъ, не настало." Оно никогда не настанетъ, если мы не будемъ работать. Исторія дѣлается волей человѣческой, а не сама собою. Отъ того она намъ такъ дорога.

Грядущія событія теперь покрыты громовой

тучей. Откуда ударитъ громъ, кого поразитъ стрѣла, гдѣ разразится гроза, никто не знаетъ. Но если вы не будете изготовляться, и эта гроза пройдетъ мимо [illegible] головъ.

Мы писали вамъ, объявляя [illegible] вольнаго русскаго книгопѣчатанія въ Лондонѣ, "что дверь вамъ открыта—ваше дѣло ею воспользоваться."

"Три четверти труда сдѣланы нашими польскими братьями, остальное вы можете сдѣлать сами."

Ваше дѣло найти вамъ протянутую руку; ваше дѣло вступить въ сношеніе съ нами и съ нашими друзьями.

— Гдѣ? Какъ?—Оглянитесь... Возлѣ васъ, за вашими плечами...

Но сношенія съ нами опасны.

— Безъ всякаго сомнѣнія.

Бѣгущему опасности, тутъ нѣтъ мѣста.

До сихъ поръ насъ никто не обвинялъ въ трусости, мнѣ кажется, что доля опасенія происходитъ не отъ трусости, а оттого, что революціонная дѣятельность вамъ необыкновенна и дика.

Половина нашей молодежи обыкновенно вступаетъ въ военную службу. Я не слыхалъ,

чтобъ военные шли въ отставку при началѣ кампаніи — а вѣдь на войнѣ еще опаснѣе. Отчего-же одни и тѣже люди отважно подставляютъ грудь шашкѣ Чер[illegible], пулѣ Лезгина, и[illegible] стѣны Измаила, падаютъ отъ чумы и непріятеля за Балканами, и боятся въ тиши и тайнѣ начать союзъ и общій трудъ, съ великой и святой цѣлью освобожденія?

Со стороны Польши забыта обида, прощено насилье, пожертвована ненависть. Она правая, многострадальная—протягиваетъ руку. Стыдъ намъ, если мы не съумѣемъ ее взять.

Я чувствую, что это невозможно, я *чувствую* что мы достойны союза съ нею. Вамъ слѣдуетъ это *доказать*.

Соединитесь съ поляками въ общую борьбу "*за нашу и ихъ вольность*" и грѣхъ Россіи искупится и не напрасно пропадетъ наше 14 Декабря и мы съ гордостью и умиленіемъ скажемъ когда нибудь міру:

Польша не сгинула бы и безъ насъ—но и мы облегчили ей тяжкую борьбу!

Лондонъ 20 Іюля 1853 года.

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ОБЩИНА

ВЪ ЛОНДОНѢ

РУССКОМУ ВОИНСТВУ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Братья!

Итакъ царь накликалъ наконецъ войну на Русь.

Какъ ни пятились назадъ, какъ ни мирволили ему его товарищи и сообщники, боясь своихъ народовъ, больше всякаго врага,—онъ напросился на войну, додразнилъ ихъ до того, что они пошли на него.

Ему не жаль крови русской.

А еще есть добрые люди между вами, которые его называютъ отцемъ, — вотчимъ онъ безжалостный, а не отецъ.

Мы, изгнанники русскіе и польскіе на чужбинѣ, плачемъ, читая о рекрутскихъ наборахъ, о тягѣ народной, о ненужной гибели тысячей нашихъ воиновъ...

Гибнуть за дѣло слѣдуетъ; на то въ душѣ человѣческой храбрость, отвага, преданность

и любовь; но горько гибнуть безъ пользы для своихъ, изъ за царскаго упрямства. Весь свѣтъ жалѣетъ турковъ не потому, чтобъ они были кому-либо близки. Ихъ жалѣютъ отъ того, что они стоятъ за свою землю, на нихъ напали, надобно-же имъ защищаться.

А наши бѣдные братья льютъ кровь, дерутся храбро, поля усѣиваютъ тѣлами, и никто кромѣ насъ не кручинится объ нихъ и никто не цѣнитъ ихъ мужества, потому что дѣло ихъ неправое.

Царь говоритъ, что защищаетъ православную церковь. Никто на нее не нападаетъ; а если въ самомъ дѣлѣ султанъ тѣснитъ церковь, какъ же царь съ 1828 года молчалъ на это?

"Православные христіане держутся турками въ черномъ тѣлѣ," прибавляетъ царь. Мы не слыхали, чтобъ они были больше притѣснены, нежели крестьяне у насъ, особенно закабаленые царемъ въ крѣпость. Не лучше-ли было бы начать съ освобожденія своихъ невольниковъ, вѣдь они тоже православные и единовѣрцы, да къ тому-же еще русскіе.

Царь ничего не защищаетъ и никакого добра никому не хочетъ; его ведетъ гордость и для нея онъ жертвуетъ—вашей кровью; свою

онъ держитъ. Видали-ли вы его передъ вашими рядами, не во время ученій и разводовъ, а во время сраженій?

Онъ началъ войну, пусть-же она падетъ на одну его голову. Пусть она окончитъ печальный застой нашъ...

За 1812 годомъ шло 14 Декабря...

Что то придетъ за 1854...?

Неужели мы пропустимъ случай, какого долго—долго не представится? Неужели не съумѣемъ воспользоваться бурей, вызванной самимъ царемъ на себя?

Мы надѣемся, мы уповаемъ.

Посмотрите на Польшу. Едва вѣсть о войнѣ дошла до нея, она приподняла голову и ждетъ случая снова возстать за права свои, за свою волю...

Что будете вы дѣлать, когда польскій народъ подниметъ оружіе?

Ваша участь всѣхъ хуже. Товарищи ваши въ Турціи—солдаты, вы въ Польшѣ будете палачами. Ваши побѣды — покроютъ васъ позоромъ, вамъ придется краснѣть вашей храбрости. Родная кровь трудно отмывается; не берите вторично грѣха на душу, не берите еще разъ на себя названіе Каина. Оно пожалуй останется на всегда при васъ.

Знаемъ мы, что вы не по доброй волѣ пойдете на поляковъ, но въ томъ-то и дѣло, что пора вамъ имѣть *свою* волю. Не легко неволить десятки тысячь людей, съ ногъ до головы вооруженныхъ, еслибъ между ними было какое нибудь единодушіе...

Разъ—не помню въ какой губерніи—когда вводили новое управленіе государственныхъ имуществъ, крестьяне взбунтовались, какъ почти во всѣхъ губерніяхъ было. Привели войска, народъ не расходился. Генералъ пошумѣлъ, да и велѣлъ солдатамъ ружья зарядить; тѣ зарядили, думая что это для острастки; народъ все не шелъ. Тогда генералъ далъ знакъ полковнику, чтобъ онъ велѣлъ стрѣлять, полковникъ скомандовалъ, солдаты приложились—и не выстрѣлили. Оторопѣлый генералъ подскакалъ къ фрунту и закричалъ—"жай—пли"...солдаты опустили ружья и неподвижно остались на своемъ мѣстѣ.

Что-же вы думаете было съ ними?—ровно ничего. Генералъ и начальство такъ перетрусились, что дѣло замяли.

Вотъ вамъ опытъ вашей силы.

Но этого мало, вамъ слѣдуетъ больше сдѣлать. Пора вамъ стать за бѣдный народъ

русскій, такъ какъ все войско Царства Польскаго въ 1831 году стало за свой народъ.

Великое время наступаетъ.

Пусть-же не будетъ сказано, что въ такую торжественную и страшную минуту вы были оставлены безъ братскаго совѣта.

Мы предупреждаемъ васъ отъ бѣдъ, спасаемъ отъ преступленія. Поймите нашу рѣчь.

Нашими устами говоритъ Русь нарождающаяся, Русь вольная, юная, живая, скрывающаяся дома, но гласная въ изгнаніи.

Нашими устами говоритъ Русь мучениковъ, Русь рудниковъ, Сибири и казематовъ, Русь Пестеля и Муравьева, Рылѣева и Бестужева— Русь, о которой мы свидѣтельствуемъ міру и для гласности которой мы оторвались отъ родины.

Нами говоритъ любовь и кровная связь съ вами, состраданіе ко всему что̀ терпитъ народъ русскій, измученный крѣпостнымъ состояніемъ, рекрутствомъ, грабежомъ чиновниковъ побоями, розгами, палками...

Нами говоритъ ненависть за все выстраданное вами, мы вашъ крикъ боли, начало вашей мести, мы обличители того, что̀ дѣлаетъ ваше правительство въ тихомолку, мы ему

упрекъ, угрызеніе совѣсти, угроза въ будущемъ. Мы его клеймимъ и позоримъ, какъ оно клеймитъ и позоритъ живыхъ людей.

Рѣчь наша полна жгучаго и горькаго яда отъ долгихъ лѣтъ нѣмаго страданія; все мучившее насъ съ дѣтскихъ лѣтъ, все оскорблявшее, унижавшее насъ, взошло въ наше слово... въ немъ остался и плачъ женщинъ обесчесченныхъ своими помѣщиками и стонъ засѣченныхъ стариковъ и звукъ цѣпей, въ которыхъ шли въ Сибирь наши лучшіе пѣвцы, наши лучшіе друзья.

Мы на чужбинѣ начали открытую борьбу *словомъ* въ ожиданіи *дѣлъ*.

Слово по той мѣрѣ только и важно, по какой оно ведетъ къ дѣлу.

Слово наше *зовъ*—это дальній благовѣстъ возвѣщающій вамъ, что заутреня народнаго воскресенія начинается и для Руси. Онъ будетъ безпрестанно раздаваться до тѣхъ поръ—пока звонъ его превратится въ набатъ или въ торжественное ликованіе побѣды.

Въ нашей дали мы близки къ вамъ, мы братья ваши, ваши единственные друзья. Мы имя народа нашего примирили съ народами Запада, смѣшивавшими насъ съ петербургскимъ правительствомъ.

Поляки намъ подали руку, *какъ русскимъ*. И таковъ былъ смыслъ рѣчей, которыя мы вели въ ихъ кругѣ и смыслъ нашего соединенія. Они оцѣнили нашу любовь къ народу русскому. Поймите-же и вы ее и вмѣстѣ съ тѣмъ любите поляковъ—за то, что они поляки.

Чего хочетъ Польша?

Польша хочетъ быть свободнымъ государствомъ, она готова быть соединенной съ Русью, но съ Русью тоже свободной. Для того чтобъ соединиться съ Русью—ей необходима полная воля.

Поглощеніе Польши—царской Россіей нелѣпость, насиліе; насиліе очевидное по количеству войска, которое стоитъ въ Польшѣ съ 1831 года. Естественное-ли это дѣло, что черезъ 23 года правительство не смѣетъ вывести однаго полка изъ Польши, не замѣнивъ его сейчасъ другимъ?

Всѣ эти грубыя, насильственныя соединенія ведутъ не къ единству, а увѣковѣчиваютъ ненависть. Что Ломбардія и Венгрія стали австрійскими? Или Финляндія русской? Однимъ балтійскимъ нѣмцамъ пришлось по вкусу голштейнъ-татарское управленіе, такъ что они первые послали дѣтей своихъ защищать пра-

вославную церковь, съ лютеранской библіей въ карманѣ.

Если русскіе не поймутъ необходимости возстановленія Польши — Польша, при развитіи войны, все-таки отдѣлится, или хуже— *ее отдѣлятъ*. И она сдѣлается не независимой, а чужой.

Не нужно чужеземной помощи въ семейномъ вопросѣ. Мы должны порѣшить его полюбовно между собой и безъ оружія.

Вы не русскій народъ защищаете въ Польшѣ. Русскій народъ не проситъ васъ объ этомъ, при первомъ пробужденіи своемъ онъ отрѣчется отъ васъ и проклянетъ ваши побѣды. Вы въ Польшѣ защищаете неправое царское притязаніе, вы защищаете царя, а не народъ — царя, оставляющаго полъ-Руси въ крѣпостномъ состояніи, берущаго по дѣвяти съ тысячи рекрутъ, гоняющаго сквозь строй до смерти, позволяющаго офицерамъ бить солдатъ, полицейскимъ—бить мѣщанъ и всѣмъ не-крестьянамъ—бить крестьянъ. Знайте-же, что защищая его, вы защищаете всѣ бѣдствія Россіи; сражаясь за него, вы сражаетесь за помѣщичьи права, за розги, за рабство, за открытую кражу чиновниковъ и дневной грабежъ господъ.

Довольно страдала Польша изъ-за русскихъ. Если были за ней вины—онѣ давно искуплены. . . . . Малолѣтныя дѣти были отняты, женщины брошены въ тюрьму, ея защитники погибли въ Сибири, ея друзья скитаются по всему свѣту, ея трофеи увезены въ Петербургъ, ея преданія искажены. . . . . ей не оставили даже былаго!

Нѣтъ—на польской землѣ не растутъ лавры для русскихъ воиновъ, она слишкомъ облита женскими слезами и мужескою кровью, пролитыми по винѣ вашихъ отцовъ—васъ самихъ можетъ быть; на берегахъ Вислы, близь прагскаго кладбища и на кладбищѣ Воли ... нѣтъ боевой славы для васъ. Но на нихъ васъ ждетъ иная слава—слава примиренія и союза!

Что и какъ дѣлать; вы узнаете, когда придетъ время. Мы васъ не оставимъ безъ совѣта. Исполнитесь въ ожиданіи событій истиною нашихъ словъ и присягните во имя всего святаго вамъ *не поднимать оружія противъ Польши.*

Эту присягу требуетъ не царь, а совѣсть народная, народное раскаяніе и если васъ ждетъ самая гибель за это — она свята, вы

падете жертвой искупленія и вашей мученической кровью запечатлѣется неразрушимый, свободный союзъ Польши и Россіи какъ начало вольнаго соединенія всѣхъ Славянъ *въ единое и раздѣльное Земское Дѣло.*

(День Благовѣщенія.) 25 Марта 1854 г.

ВИДѢНІЯ СВ. ОТЦА КОНДРАТІЯ.

ПЕРВОЕ ВИДѢНІЕ.

Душе моя, душе моя, возстани! что спиши?
Конецъ приближается, и имаше смутитися.

(Кондакъ на I-ю седмицу святыя четыредесятницы).

Шедше во дни недавніе старецъ благочестивый и богобоязненный, со св. молитвою во сердцѣ и на устѣхъ, по земли Россійстей. И слышенъ бе ему гласъ велій съ небеси! И возведе старецъ очи горѣ. И узриша небеса разверстыя и Силы Небесныя сидящи у подножія огнезрачнаго Престола Господня. И играша Херувимы на кімвалѣхъ, и вопіаша Серафимы ко Господу: Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Твоея, Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне. И взмолишася Архангели: "Едине человѣколюбче! яко Ты еси святъ, такожде вѣрно, что земли Россійстѣй конецъ приближается и иматъ оная смутитися.

Почто, Живодавче, гонеши народъ Россійстій?" И отвѣчахъ Владыко : Гоненіе наложихомъ на народъ Россійстій по то, что преступивъ онъ есть мою заповѣдь. Азъ рѣхъ : Не сотвори себѣ Кумира, ни всякаго подобія, елико на небеси горѣ, елико на земли низу, елико въ водахъ и подъ землею, да не послужиши, да не поклонишася имъ. Народъ же Россійстій сотворихъ себѣ кумира въ царѣ своемъ нечестивомъ Николаѣ Гольштинскомъ, иже вошедъ на престолъ Мономаховъ путемъ беззаконія, уморивъ брата своего Константина и тѣмъ уподобихся окаянному Каину. И многія скверны сей царь бе содѣлатель во мнози лѣта своего царенія. При возшествіи на престолъ, повѣсилъ онъ Муравьева-Апостола, иже бѣ за народъ и правду. Во Молитвословіяхъ приказуетъ нечестивецъ - царь имя свое печатать буквами крупными, Мое же имя возлѣ его изображено печатію мелкою. Судьи его лихоимцы, чиновники грабители, народъ отданъ имъ и содержится имъ, царемъ, противно закону моему, въ крѣпости у дворянъ. Онъ же самъ, яко Фараонъ, потѣшается токмо наборами рекрутскими, да поборами денежными, да потѣшными полчищами своими, именуемыми

Гвардія. И въ еликомъ бы концѣ вселенныя Моея народы Мои ни возстали во имя Мое, Христово, противу Фараоновъ своихъ, русскій царь посылаетъ туда свои полчища, своихъ лазутчиковъ и деньги, обираемыя имъ съ бѣдныхъ крестьянъ на помощь царямъ, своимъ сродникамъ, на удрученіе слабыхъ, но праведныхъ мучениковъ за правду и законъ Христовый. И глаголетъ симъ мученикамъ, во Египетской гордости своей, русскій Николай Фараонъ : "камо бѣжишь отъ лица моего? Аще возьмеши крилѣ твои рано, и вселишися въ послѣднихъ моря (сирѣчь въ Англійскомъ государствѣ въ тридевятомъ царствѣ) и тамо рука моя, глаголяемая милордъ Абердинъ, попретъ и сокрушитъ тя. Аще взыдешь на небо, и тамо азъ имамъ поповъ-пьяницъ и монаховъ-развратниковъ; аще снидешь во адъ, и тамо имамъ отца моего Діявола, прежде вѣкъ рожденнаго, нерукотвореннаго, иже вездѣ сый и вся исполняяй, коего нарѣхъ азъ Богомъ моимъ и о которомъ возглашаю : "Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, и покоряйтеся : яко съ нами Богъ."

И рекъ еще Господь Богъ съ высоты величія Своего Архангеламъ своимъ :

И азъ гнѣвъ Мой являхъ народу Россійстему почти каждый годъ съ возшествія на престолъ Николая, Фараона Гольштинскаго. Насылахъ азъ на Россію то язву Холеру, то пожары, то гладъ велій, то падежъ скотскій. Но народъ не вняхъ знаменіямъ Моимъ небеснымъ и рекъ, по внушенію царя своего нечестивца: "Се холера-язва не отъ Господа за грѣхи наши, но отъ Поляковъ." Тако надругается царь и народъ русскій надъ Польшею, распеншн её яко во время оно Мене распяли Иродъ и жиды его. Нынѣ царь нечестивецъ, ощущая что и его житію приближается конецъ и что и онъ иматъ предстати на судъ Мой, хощетъ надуть и меня и ложію безстыдною загладити, предъ лицомъ Моимъ и людей, всѣ грѣхи свои. На сей конецъ выдумахъ онъ, будто бы Азъ повелѣхомъ ему изгнати Турковъ изъ земли Турецкой и заступитися за яко бы гонимую въ Туречинѣ вѣру Мою. И сіе есть безстыдная ложь и всуе пріемлетъ окаянный имя Мое. Токмо корысть и гордость фараоновская гнѣздятся въ сердцѣ его, и прежде чѣмъ о правдѣ и вѣрѣ въ иноземныхъ странѣхъ заботитися, подобало бы ему, Николаю соблюсти правду

и законъ въ своей россійстѣй землѣ, въ коей творятся беззаконія и неправда, яко въ Содомской странѣ.

И издахъ Николай манифестъ своему народу о войнѣ съ Туркою, и живо глаголахъ въ немъ, яко бы за подлинно онъ Николай бѣ царь благочестивый : "на тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки."

И народъ русскій, омраченный, повѣрилъ вѣрѣ и слову Николая, и покланяется и служитъ ему, како только подобаетъ служити и поклонятися Мнѣ, ибо : Азъ есмь Господь Богъ твой, и да не будутъ тебѣ бози иніе развѣ Мене.

И разослалъ Николай манифестъ свой во всѣ страны земли, всѣхъ противъ Турки созывая и обѣщая добычею подѣлитися. И каждому царю рекъ Николай : "Тебя, брате азъ разумѣхъ подъ именемъ господа. На тя уповахомъ. Приди и помоги мнѣ завладѣти Царемградомъ, чтобы и тамъ воплотилася власть моя, развилися бы мои чиновнички и генералы. Азъ тебѣ за помощь взятку дамъ."

Но ни единый изъ иноземныхъ царей, кромѣ развѣ Австрійскаго Кесаря, не пошелъ на совѣтъ нечестивый, устрашася Меня и народовъ своихъ, кои суть гласъ Мой.

И тако идетъ нынѣ царь Николай единъ съ своимъ богоотступнымъ народомъ противу всѣхъ царей и народовъ Моихъ, чтобъ распяти Турку, яко онъ уже распялъ Польшу.

Но Азъ вся подыму противу нечестивыхъ и буду азъ гнѣвенъ на Россійстій народъ, дондеже онъ не престанетъ давать рекруты и деньги царю своему богохульному на удрученіе иноплеменныхъ и не изгонитъ Николая изъ земли Россійстея. Въ моемъ бо царствіи несть ни Еллинъ, ни Еврей, ни Турка, но всѣ люди Моя едино суть стадо, Азъ единый имъ пастырь и заповѣдь Моя есть : Возлюби ближняго твоего яко самъ себя. Аминь.

1854.

ВТОРОЕ ВИДѢНІЕ.

Архангелъ Богу вопіялъ:

Господи! гони Фараона, онъ причина всему злу и всѣмъ беззаконіямъ, но взмилуйся надъ воинствомъ и народомъ его, не гони ихъ за грѣхи царя ихъ. Хотя они ему и помогаютъ, прости имъ, Отче, не вѣдаютъ бо что творятъ.

Рече Господь!

Не вѣдаютъ бо что творятъ! По такому невѣденію, люди распяли Мене. Тогда,—яко сынъ человѣческій, Азъ самъ возопилъ реченныя тобою словеса; но,—яко Саваоѳъ, яко Духъ святый, Азъ не могу прощать людямъ невѣдающимъ что̀ они творятъ. Гдѣ нынѣ царство Іудеевъ, гдѣ гордая держава Римлянъ, распнувшихъ Мене? Азъ сокрушилъ ихъ и разметалъ по лицу земли.

Творити не вѣдая что содѣваешь—сіе подобаетъ токмо скоту, которому Азъ мало далъ

ума, но человѣку, которому дано больше ума, сіе есть велій грѣхъ. Кому мало дано, съ того мало и взыщется; кому-же дано мнозе, съ того и взыщется мнозе.

Вѣдай, что твориши! сіе есть первая заповѣдь Моего Третьяго Завѣта роду человѣческому..... Да, двухъ Завѣтовъ Вѣтхаго и Новаго, Азъ зрю что людемъ мало. Притомъже Азъ троицу люблю, и посему даю имъ третій Завѣтъ. Первый (Вѣтхій) бе данъ Мною яко Саваоѳомъ; вторый (Новый) данъ мною яко Сыномъ; третій дается Мною яко Духомъ Святымъ, Духомъ Истины, издревле глаголившимъ Пророки, а нынѣ творящимъ науку живу.—И яко во второмъ Моемъ Завѣтѣ весь Законъ и всѣ Пророки заключены въ двухъ заповѣдяхъ, тако и въ третьемъ моемъ Завѣтѣ всё въ двухъ заповѣдѣхъ. И первая изъ нихъ:

Вѣдай, что твориши!

Еслибъ люди её соблюдали, они не ввѣрялись бы, яко слѣпцы, яко стадо безразумное, кіиждому Фараону, выдающему себя имъ за добраго пастыря, за премудрѣйшаго всѣхъ. Чтобъ вѣдать что они творятъ, они требовали бы отъ правителей своихъ отчетъ въ управленіи, яко нынѣ на Руси крестьяне на міру

спрашиваютъ отчетъ отъ старосты, ими самими же избираемаго, но яко они не спрашиваютъ отчета ни въ деньгахъ, ни въ крови, сирѣчь рекрутахъ, даваемыхъ ими Фараону, возсѣвшему самовольно въ старосты всея Россіи, говоря будто бы Азъ его егда-либо на то помазалъ!

И судъ и расправа творились бы гласно на Руси.

И законы государственные полагались бы самимъ народомъ.

Вѣдай, что твориши! Еслибъ люди держались сей заповѣди, они не предавались бы пьянству до безпамятства, иже притупляетъ разумъ человѣческій, ведетъ къ ссорамъ, обѣдняетъ народъ, обогащая токмо казну Фараона, отдающаго вино-зелье на откупъ.

Вѣдай, что твориши! Соблюдающіе сію мою заповѣдь, ничто не дѣлаютъ на авось и кое-какъ, но тщательно. Довѣряя кому бы то ни было изъ среды своей какую-либо власть на чтобы то ни было, они въ договорахъ своихъ всё договаривали бы, ничего не оставляли бы неяснымъ, неопредѣленнымъ, неограниченнымъ. Мѣра была бы во всѣхъ ихъ дѣяніяхъ, яко Азъ Самъ всё создалъ по мѣрѣ,

вѣсу и числу. Въ мѣрѣ бо состоитъ справедливость; ея держаться далъ Азъ человѣку судью-разсудокъ. И сей судья назначенъ Мною быть миротворцемъ на земли, а не орудіемъ на хитрость и обманъ. Творяй справедливость, творитъ миръ и любовь. Яко вѣра безъ дѣлъ мертва, такожде и любовь безъ разума-разсудка не блага, и часто ведетъ лишь ко враждѣ.

Вѣдай, что твориши! Сіе есть то-же, что, не предавайся, ниже по злобѣ, ниже по любви, ниже почему либо иному. Соблюдая сію заповѣдь, люди и по любви не возводили бы возлюбленныхъ своихъ въ кумиры себѣ, и тако исполняли бы вторую заповѣдь по Вѣтхому Завѣту. И не было бы надъ ними ни единой неограниченной, безусловной Власти развѣ Мене.

Вѣдай, что твориши! Соблюдая сіе, люди читали бы святое Писаніе не яко попамарь, но съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, не мертво держались бы они буквы, иже мертва, егда не оживляется живымъ духомъ разумѣнія.

И поняли бы они и вторую Заповѣдь Моего третьяго Завѣта, иже есть: *Не хорони.*

Не хорони! глаголю Азъ, не зарывай таланты, сирѣчь и силы и добро Твое въ землю.

Все что Азъ создалъ, создалъ Азъ на жизнь, а не для смерти. Не отлагай свою копѣйку на черный день, пускай её въ оборотъ на бѣлый день, на свѣтъ мой Божій. И воздастся тебѣ яко человѣку не зарывшему таланты, о коемъ рѣхъ Азъ въ моей притчѣ Новаго Завѣта.

Не хорони! сіе бо есть татьба, татьба отъ жизни. И егда Азъ рѣхъ на скрыжалѣхъ осьмую заповѣдь : Не укради, азъ рѣхъ ; Не хорони, не отложи въ сторону ни себя, ни добро твое. Не говори, моя хата съ краю, я ничего не знаю. Сіе бо есть богохульство, нѣтъ края міру Моему, нигдѣ онъ клиномъ не сошелся.

О хитрые люди! егда-же поймете вы, за что Азъ проклялъ Ананія!

Не хорони! глаголю Азъ. Оставимъ мертвымъ погребать мертвыхъ. И егда умретъ твой ближній, не предавай его тѣло гробу каменному ниже деревянному; но сожги прахъ. Азъ всесожженіе люблю и въ видѣ огненнаго куста явился Моисею Азъ. Егда будеши предавать огню тѣла усопшихъ дамъ Азъ благораствореніе воздуховъ и положу конецъ мнозимъ язвамъ. О воскресеніи не заботься! Мнѣ

Лазаря воззвать изъ мертвыхъ, не труднѣе изъ воздуховъ, чѣмъ изъ подъ земли, гдѣ черви поѣдали его тѣло.

— Господь замолкъ на время. Потомъ онъ снова изъ глубины души возвалъ :

О Іуда, предатель! зачѣмъ ты погубилъ Мене? Какое Азъ тогда готовилъ всемірное возстаніе! Не помѣшала бы мнѣ Іудина измѣна, былъ бы Азъ нынѣ Единый царь Небесный, и не было бы возлѣ Мене царей земныхъ, и мнѣ Единому служили бы вся люди Моя. И было бы царствіе Мое на земли яко на небеси, и въ немъ не было бы ни рабовъ, ни господъ. Всѣ люди были бы ни помѣщичьи, ни государевы, какъ нынѣ, а люди Божіи, люди вольные, яко пташки Мои. А теперь?... Теперь люди утратили даже смыслъ содѣяннаго Мною подвига на ихъ спасеніе и искупленіе! Читаютъ и не понимаютъ!

И Богъ, сидѣвшій на престолѣ, поникъ Своимъ Святымъ челомъ и Ангелы, видя сокрушеніе, взыграли въ трубы и кимвалы, и возгласили пѣснь, иже именуется : Кондакъ, поемый въ Ію седмицу Святыя Четыредесятницы : "Душе моя, душе моя, возстани! что спиши?

конецъ приближается, и имаши смутитися, воспряни убо, да пощадитъ тя Христосъ Богъ, вездѣ сый и вся исполняяй."

И то казалось мнѣ, что колоколъ билъ въ набатъ, то что громъ гремѣлъ по поднебесью.

И вдругъ пѣснопѣніе затихло. Одни кимвалы раздавались.

И узрѣлъ я какъ принесли невиданнаго великана. И кто-то рекъ за мной : Се Голіаѳъ. Его воздвигнули. И страхомъ объятъ былъ я грѣшный. Я узрѣлъ въ чудовищѣ — царя! царя нашего Николая! На плечахъ эполеты, чрезъ плечо лента, глаза на выкатѣ.

За тѣмъ веселой, легкой поступью (яко бы плясалъ онъ предъ ковчегомъ) въ зипунѣ, накинутомъ на плечи, рукава на отлётѣ, явился парень молодой. И кто-то рекъ за мной, Давидъ. Онъ не царемъ, а бѣднымъ пастыремъ явился. Въ рукѣ держалъ онъ пращь. Онъ подошелъ къ Голіаѳу. Голіаѳъ съ презрѣніемъ глядя на малютку, положилъ руку на огромный свой мечь. Давидъ взмахнулъ своимъ пращемъ—и великанъ-чудовище повалился.

Тогда Псалмопѣвецъ приблизился ко мнѣ. Молча указалъ онъ мнѣ на страшный ростъ

Голіаѳа, и на свой низменный, удалый. Потомъ онъ мигнулъ мнѣ въ ту сторону, гдѣ Петербургъ, и внятно произнесъ : Не бось !

И все исчезло предо мною. И видѣнію моему бе конецъ.

Имущіе уши да внимутъ. Аминь.

В. А.

1854.

XXIII

ГОДОВЩИНА ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ

ВЪ ЛОНДОНѢ.

Рѣчь произнесенная на сходѣ въ Гановеръ Румѣ,

29 Ноября 1853 года

АЛЕКСАНДРОМЪ ГЕРЦЕНОМЪ.

Граждане,

Прошу васъ во-первыхъ извинить, что у меня въ рукѣ записка, я не привыкъ говорить публично, а тѣмъ больше, не на родномъ мнѣ языкѣ.

Вы знаете, что я провелъ мою жизнь въ странѣ, гдѣ превосходно учаться—*краснорѣчиво молчать*—и гдѣ конечно нельзя было научиться свободно говорить.

Граждане,

Пять лѣтъ тому назадъ, нашъ другъ Михайло Бакунинъ, являлся въ ту-же годовщину, на трибунѣ польскаго собранія въ Парижѣ, и предлагалъ союзъ демократической Польши, съ русскими революціонерами.

Эта мечта всѣхъ благородныхъ умовъ польской эмиграціи, наша мечта, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, начинаетъ осуществляться.

Польша, какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ,

прощаетъ насъ, она разрываетъ круговую поруку, естественно существующую между народомъ и его правительствомъ, она подаетъ намъ руку, потому что она знаетъ, какая глубокая ненависть къ петербургскому управленію наполняетъ насъ, во имя этой ненависти она начинаетъ любить насъ.

Я подошелъ къ польскимъ друзьямъ моимъ, не какъ отдѣльное, разобщенное съ своими лице, отказывающееся отъ своего отечества, просящее забыть свое начало, напротивъ, я громко говорилъ о моей любви къ Россіи, о моей незыблимой вѣрѣ въ ея будущность. Они меня приняли *случайнымъ* представителемъ будущей Россіи, ненавидящей чорныя дѣла своего правительства, жаждущей смыть съ себя пятна мученической крови поляковъ, помагая имъ въ дѣлѣ освобожденія Польши.

Когда поляки подаютъ намъ свою руку, покрытую рубцами, на примиреніе, можно-ли сомнѣваться въ существованіи революціонныхъ началъ въ Россіи?

Полякамъ—этимъ естественнымъ, непримиримымъ врагамъ оффиціальной Россіи, принадлежитъ честь, болѣе справедливаго пониманья русскихъ, чѣмъ мы находимъ у другихъ.

Есть люди, которые не могутъ соединить въ головѣ своей слова Россія и революція; они все еще представляютъ себѣ при словѣ Россія —царя, кнутъ, Сибирь, полудикой народъ, стоящій на колѣняхъ передъ Далой Ламой въ ботфортахъ, и торопятся произнести свой приговоръ. Толкуютъ о братствѣ народовъ, объ ихъ союзѣ, и въ тоже время осуждаютъ одну изъ самыхъ большихъ странъ въ мірѣ, по одной *надписи на дверяхъ, по вывѣскѣ.*

Съ тѣхъ поръ, какъ абсолютизмъ пересталъ быть только русскимъ, и распространился по всему европейскому континенту, намъ легче объяснить наше положеніе.

Правительственная форма, почти никогда не представляетъ полную формулу жизни народной, особенно во времена общественнаго перелома какъ наше, въ которое человѣчество, такъ сказать, мѣняетъ шкуру. Когда цѣлый міръ рушится, и новый міръ стучится въ двери, когда правительство ежедневно доказываетъ намъ свою неспособность, не только дать народамъ свободу, но даже держать ихъ въ рабствѣ.

И это не все. Историческое развитіе Россіи, не имѣетъ почти ничего общаго съ западнымъ.

Такимъ образомъ, выраженіе ея революціонныхъ стремленій и самыя стремленія, не совпадаютъ съ фазами европейской революціи, т. е. въ *прошедшемъ*, но можетъ быть они имѣютъ тѣмъ большее сочувствіе къ началамъ *грядущей революціи*.

Россія страна величайшихъ противурѣчій, самыхъ крайнихъ антиномій.

Коммунизмъ внизу, *деспотизмъ* на верху, между ними колеблющаяся среда дворянства, боящагося снизу *Жакерій*, сверху ссылки въ каторжную работу—среда носящая въ груди своей рядомъ съ растлѣніемъ и возмутительнымъ подобострастіемъ—жгучія и сосредоточенныя революціонныя страсти. Изъ нея вышли: Пестели, Муравьевы, Петрашевскіе, Бакунины.

У насъ не останавливаются на полъ дорогѣ, у насъ или остаются неподвижными, или идутъ до конца.

Пестель, какъ мы, требовалъ соціальнаго переворота. Соціальнаго переворота въ 1825!

Бакунина не всегда понимали, чуждались его, боясь его радикализма.

Все, что такъ тѣсно сковываетъ западныхъ людей съ старымъ міромъ, не существуетъ для насъ. Русскіе круто отрѣшаются отъ всѣхъ

связей разомъ, отъ религій, отъ преданій, отъ авторитета, намъ нечего щадить, нечего беречь, нечего любить, но есть что ненавидѣть. Россія въ отношеніи къ старому міру, поставлена также какъ пролетаріатъ, ей ничего не досталось, кромѣ несчастій, рабства и стыда.

Потому эти двое лишенные наслѣдства и надѣются на общее воскресеніе въ соціальномъ переворотѣ.

Мы представляемъ крошечное меньшинство въ Россіи, это правда. И тѣмъ слабѣе мы были, чѣмъ дальше держали себя отъ нашего народа и чѣмъ ближе къ западнымъ политическимъ партіямъ. Для Европы эти партіи имѣли смыслъ перехода, для насъ никакого.

Это приходитъ къ сознанію, и будущность наша приближается.

Обманывать себя нечего. Мы очень слабы. Но неужели вы вѣрите, что императоръ Николай такъ силенъ какъ это представляютъ?

Я сомнѣваюсь.

Изъ него сдѣлали какое-то пугало, Синюю Бороду, и до того накричали, наговорили, нашумѣли объ этомъ—что въ самомъ дѣлѣ испугались.

Континентъ до того понизился, что отовсюду

видна приближающаяся фигура каменнаго гостя, на гранитномъ утесѣ, грозящая нотами, протоколами, народами, арміями шпіоновъ, дипломатическихъ агентовъ и нѣмецкихъ принцевъ. Ему это мѣсто создала реакція. Но низость, трусость консерваторовъ не составляетъ дѣйствительной силы... Этой предполагаемой мощи нѣтъ въ сущности его власти.

Вотъ вамъ доказательство.

Наконецъ по счастью у него умъ зашелъ за разумъ, и онъ на минуту повѣрилъ, что и въ самомъ дѣлѣ судьба Европы и Азіи, зависятъ отъ него.

Онъ сошелъ въ арену. Ну что-же? послѣ всего шума и всѣхъ ультиматумовъ Менщиковыхъ, Горчаковыхъ, католическихъ Te Deum'овъ въ Олмюцѣ и лютеранскихъ парадовъ въ Поцдамѣ, манифестовъ съ текстами священнаго писанія и съ параграфами Кучукъ-Кайнарджскаго міра...?

Все что̀ онъ сдѣлалъ для православной греческой церкви, состояло въ томъ, что Омеръ Паша его побилъ, а онъ обобралъ господаря Валахскаго. Событія могутъ перемѣниться, но лучшая роль въ дѣлѣ принадлежитъ Абдуль-Меджиду.

А вѣдь Россія сильна, но императорская власть, такъ какъ она сложилась, не можетъ вызвать этой силы. Она выродилась и негодна больше.

Петербургское императорство съ самаго начала своего было какимъ-то *предворяющимъ бонапартизмомъ*, оно не русское и не славянское, у него нѣтъ корней, это институтъ временной, это диктатура, осадное положеніе возведенное въ основу правительства. Оно соотвѣтствовало потребностямъ извѣстнаго времени, государство ослабѣвало подъ соннымъ владычествомъ царей московскихъ, надобно было растолкать, разбудить его, направить по иному пути. Императорство можетъ быть было необходимо во время Петра I, но оно нелѣпо во время Николая. И вотъ еще причина почему это мрачное, удушающее царствованіе, поражено такимъ удивительнымъ безплодіемъ и такой неспособностью.

Императорская власть достигла своей вершины во время низверженія Наполеона, въ то время когда Александръ I дѣлалъ свое вшествіе въ Парижъ, окруженный свитой королей, которыхъ онъ удерживалъ отъ грабежа. Великое призваніе, къ которому его привело безуміе

наполеоновской эпохи подавило его. Ему такая роль была не по плечу. Его сутуловатая фигура превосходно выражала, что ноша была слишкомъ тяжела. Потерянный, задумчивый, онъ угасъ, одиноко и незамѣтно, въ небольшой пристани Чернаго моря.

Лишь только вѣсть о его смерти распространилась, какъ новый наслѣдникъ предъявилъ *свои права*. Не Константинъ, не Николай, а *возмущенiе на исакiевской площади*!

Борьба была неминуема, неминуемо можетъ было и пораженiе. Но характеръ побѣды слишкомъ связанъ съ личностью побѣдителя, чтобъ не сказать о немъ нѣсколько словъ.

Александръ былъ воспитанъ Екатериной, учился у Лагарпа; онъ былъ свидѣтелемъ великой революцiи, дѣйствующимъ лицомъ въ кровавой драмѣ первой имперiи; онъ усвоилъ себѣ до нѣкоторой степени современныя идеи, образованныя манеры и вѣжливость порядочнаго человѣка.

Не таковъ былъ человѣкъ шедшiй за Александромъ: его воспоминанiя не шли далѣе конногвардейскихъ казармъ. Онъ получилъ воспитанiе въ кордегардiяхъ и на вахтпарадахъ. Онъ былъ малолѣтнимъ, когда его отецъ потерялъ

разсудокъ и былъ убитъ. Его мать, добрая и пустая нѣмка была поглащена этикетомъ и своими образцовыми скотными дворами. Старшему брату было не до него, во время Наполеона; Константинъ могъ только развратить его. Никто не смотрѣлъ на него какъ на будущаго императора; наслѣдникъ престола былъ Константинъ. Не было ни одной сострадательной души, которая-бы обратила на него вниманіе, помѣшала-бы его сердцу зачерствѣть въ атмосферѣ конюшенъ и экзерциръ-гауза. Онъ взошелъ на престолъ не зная своего времени. Онъ революцію принималъ за нарушеніе дисциплины —онъ самъ вписалъ въ свой формуляръ, говоря о 14мъ Декабрѣ "*находился при защитѣ дворца*".

Съ тѣмъ вмѣстѣ, казарменное отвращеніе отъ наукъ, презрѣніе офицера къ фрачнику, ненависть маіора къ отвѣту и возраженью; безумное властолюбіе, страсть къ безусловной покорности и все безъ опредѣленной цѣли, безъ всякой идеи, безъ всякой эксцентричности даже.

Нельзя сказать, чтобъ у него недостало времени,—печальное царствованіе его продолжается 27 годъ и онъ ничего не сдѣлалъ,

ничего не создалъ, *кромѣ самодержавія для самодержавія.*

Типъ его дѣяній, кавказская война, поглотившая цѣлыя арміи и которая черезъ 25 лѣтъ не подвинулась ни на шагъ.

Онъ мучилъ, притѣснялъ, угнеталъ всѣми средствами Польшу—и не можетъ вывести изъ нея ни однаго баталіона солдатъ, боясь ея возстанія.

Онъ преслѣдовалъ въ Россіи книги и школы, профессоровъ и писателей, а въ 1849 году въ трехъ шагахъ отъ зимняго дворца открыли революціонный клубъ.

Онъ велъ въ 1828 году войну съ Турціей, и сгубилъ сотни тысячь человѣкъ убитыхъ тифомъ и горячкой, не получивъ въ замѣну ничего существенно важнаго.

Когда онъ остается побѣдителемъ, вы можете быть увѣрены, что онъ купилъ какого нибудь Гёргея, какого-нибудь несчастнаго пашу, какого-нибудь злодѣя наконецъ.

Дѣйствительно, Николай очень несчастный человѣкъ, и онъ это чувствуетъ, отъ этого онъ безпокоенъ, мраченъ. Жизнь, которая еще тридцать лѣтъ тому назадъ кипѣла около зимняго дворца — оттолкнутая имъ, не возвращается.

Ни одной великой способности, ни однаго необыкновеннаго ума между его помощниками! Николай управляетъ ординарцами и писцами; это очень легко, но ничего не двигается, но казнокрадство, взятки, подкупы, приводятся въ систематическій порядокъ.

Онъ посылаетъ армію, она умираетъ на полдорогѣ отъ голоду и холоду. Онъ хочетъ освободить крестьянъ—ему показываютъ окровавленный рядъ его предшественниковъ убитыхъ помѣщиками. Онъ не хочетъ освобождать крестьянъ—ему пророчутъ Пугачевщину.

Министръ внутреннихъ дѣлъ доноситъ ему, что оберъ-полицмейстеръ воруетъ въ Петербургѣ. "Я это знаю, отвѣчаетъ Николай, но я сплю спокойно, пока онъ смотритъ за порядкомъ".

И вы думаете, что такое правительство можетъ быть сильнымъ?

Русскій императоръ пробуетъ войну съ Турціей, зная очень хорошо, что если монархической Европѣ непріятно его видѣть въ Константинополѣ, то все-же ей непріятнѣе видѣть республику, т. е. *республику въ самомъ дѣлѣ*, въ Парижѣ. Монархическая Европа во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ отъ дикаго и кровожаднаго короля неаполитанскаго до умѣреннаго

и честнаго короля белговъ или короля сардинскаго, не можетъ начать серьезной войны съ царемъ. Въ каждомъ изъ нихъ *слишкомъ много Николая* для этого. Ни какой Бонапартъ, ни какой наслѣдственный, ни благопріобрѣтенный деспотъ не нанесетъ въ самомъ дѣлѣ удара своему петербургскому товарищу—имъ всѣмъ онъ слишкомъ нуженъ.

Впрочемъ работать въ нашу пользу вовсе не царское дѣло, и не дѣло нашихъ враговъ; это дѣло наше—намъ самимъ надобно трудиться, надобно соединить наши силы. "Когда—писалъ мнѣ нѣсколько дней тому назадъ человѣкъ глубоко уважаемый мною—Мишле, *когда поляки соединяются съ русскими какая-же ненависть имѣетъ право продолжаться!*"

И такъ да совершится наше соединеніе. Честь Польшѣ—великой въ своемъ неравномъ бою, несокрушаемой въ своей геройской преданности, растущей несчастіями..... но съ тѣмъ вмѣстѣ честь и русскому революціонному меньшинству!

Позвольте-же мнѣ заключить мою рѣчь русскимъ крикомъ:

Да здравствуетъ независимая Польша и свободная Россія!

НАРОДНЫЙ СХОДЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Рѣчь произнесенная 27 Февраля 1854 года

АЛЕКСАНДРОМЪ ГЕРЦЕНОМЪ.

Граждане,*

Когда Между-Народный Совѣтъ пригласилъ меня сказать мое слово въ этомъ собраніи, меня сначала взяло раздумье, говорить-ли мнѣ во имя небольшаго числа русскихъ братій нашихъ, говорить-ли мнѣ среди разгрома войны, въ разгарѣ неистовыхъ страстей, среди святой, глубокой грусти, въ которую все погружено нынѣ. Я сообщилъ это Совѣту. Онъ возобновилъ свое приглашеніе, и притомъ съ такой любовью, что мнѣ стало совѣстно за минуту сомнѣнія, за недостатокъ вѣры...

Война свирѣпствуетъ въ иномъ мірѣ. Громъ ея умираетъ у порога этой палаты, въ которой изгнанники и выходцы всѣхъ странъ соединяются съ англичанами, свободными отъ предразсудковъ своей родины, во имя воспоминанія, во имя надежды, во имя *страдающихъ*.

* Рѣчь эта переведена съ французскаго В. Энгельсономъ и была напечатана въ брошюрѣ "Народный Сходъ".

Такъ Христіане первыхъ вѣковъ собирались на скромныя свои трапезы, въ спокойствіи и ясности духа, между тѣмъ какъ буря вызванная кесарями и преторіянцами потрясала древнія основы Римской имперіи.

На этомъ празднествѣ народной братовщины, русскому голосу должно быть мѣсто.

Въ Россіи сверхъ царя — есть народъ; сверхъ люда казеннаго, притѣсняющаго—есть люди страждущіе, несчастные; кромѣ Россіи Зимняго Дворца—есть Русь крѣпостная, Русь рудниковъ. Во имя этой-то Руси долженъ здѣсь быть услышанъ русскій голосъ.

Спѣшу сказать, что я не имѣю никакого уполномоченія отъ русскихъ выходцевъ. Они не составляютъ сомкнутаго общества. Полномочіе мое говорить во имя Россіи—вся моя жизнь, моя привязанность къ Русскому народу, моя ненависть къ царю.

Да, я имѣю смѣлость высказать это, я считаю себя представителемъ мысли возстанія въ Россіи среди васъ, я имѣю право на голосъ; это говоритъ мнѣ мое сердце, мое сознаніе, моя совѣсть.

Седьмой годъ издаю я сочиненія о Россіи. Сначала, европейская публика, озадаченная

неистовымъ поведеніемъ возстановленныхъ властей послѣ 1848 года, слушала мои слова снисходительно. Теперь времена измѣнились; война возбудила удивительно боевой духъ, особенно въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетахъ; онѣ дошли до яростной нетерпимости. Мнѣ стали ставить въ укоръ любовь мою къ Славянамъ, мою вѣру въ величіе ихъ будущности, наконецъ самую мою дѣятельность. Обвинительныя статьи два раза переплывали черезъ Океанъ—другія удостоились *чести* быть воспроизведенными "Монитеремъ".

Доселѣ никогда еще не требовали ни отъ одного выходца или изгнанника, чтобъ онъ ненавидѣлъ свое племя, свой народъ. У васъ, отнимаютъ настоящее; насъ хотятъ лишить будущаго, хотятъ убить нашу надежду!

Еслибъ я ненавидѣлъ русскій народъ, еслибъ я не вѣрилъ въ него, меня бы не было здѣсь. Народъ свободный, республиканскій далъ мнѣ права гражданства у себя; я тамъ бы и остался, не занимаясь страною, въ которой меня преслѣдовали.

Странная сбивчивость понятій.

Царствованіе Николая начинается огромнымъ заговоромъ. Онъ идетъ короноваться въ

Москву подъ тріумфальными воротами пяти висѣлицъ. Сотни заговорщиковъ съ цѣпями на ногахъ отправляются въ рудники. Гурьбы молодыхъ людей слѣдуютъ за ними и исчезаютъ въ Сибири... Все это проходитъ незамѣченно въ западной Европѣ, между-тѣмъ какъ наглый образъ воплощеннаго самодержавія отбрасываетъ на насъ, гонимыхъ имъ, тѣнь заслуженной имъ ненависти.

Я знаю, что вы вѣрите въ существованіе революціонной партіи въ Россіи; иначе, появленіе мое на этой трибунѣ было бы нелѣпостью. Но большинство людей, называющихся радикалами, старается этому не вѣрить. Они довольствуются союзомъ и братствомъ между народами, внесенными въ ихъ списки, получившими отъ нихъ революціонный дипломъ.

Какъ вспомнишь, что добрый "заступникъ человѣческаго рода," Анахарсисъ Клоцъ, самъ раскрасилъ одного изъ своихъ родственниковъ, для того, чтобъ на празднествѣ французской республики не было недостатка въ представителѣ изъ Отаити,—такъ нельзя не сознаться, что съ тѣхъ поръ между-народное братство не далеко ушло впередъ.

Николай насъ вѣшаетъ, ссылаетъ въ Сибирь,

сажаетъ въ темницы — но онъ по-крайней-мѣрѣ не сомнѣвается въ томъ, что мы существуемъ, напротивъ того, онъ черезъ чуръ внимательно къ намъ.—Граждане, я въ первый разъ въ моей жизни ставлю его величество въ примѣръ.

Но намъ говорятъ, что мы, въ свою очередь, не вѣримъ ни въ силу, ни въ нынѣшнее устройство Европы. Разумѣется, нѣтъ. А вы? развѣ вы вѣрите?—Дѣло въ томъ, что Русскій, при выходѣ изъ своего острога, летитъ въ Европу полный надеждъ...и находитъ повсюду другія изданія царскаго самовластія, безконечныя варіаціи на тему "Николай."

И онъ осмѣливается это высказывать...вотъ въ чемъ бѣда!

Намъ, очевидцамъ іюньскихъ дней и всего ряда злодѣйствъ совершенныхъ торжествующими правительствами въ Европѣ — злодѣйствъ, которыя превзошли все что могъ бы вообразить самый мрачный предсказатель— намъ ставятъ въ укоръ наши слезы, стонъ боли вырывающійся изъ нашей груди? ... Насъ упрекаютъ въ томъ, что на нашихъ губахъ одни горькія слова, одни проклятія...когда въ груди кипитъ злоба, а въ умѣ одно сомнѣніе!

Что-же, слѣдовало—молчать, скрывать?

Зачѣмъ-же намъ льстить этому старому міру, міру битой колеи и насилія, который васъ первыхъ раздавитъ, который громоздитъ трупы прошедшаго, чтобъ загородить дорогу будущему...

Довольно портили царей лестью и молчаніемъ. Съ какой стати развращать ими народы?

Положимъ, что наши мнѣнія преувеличены; положимъ, что они ложны; но съ чего берутъ себѣ право подозрѣвать ихъ искренность?

Нельзя покончить ошибочное мнѣніе, провозгласивъ его ересью, панславизмомъ, марая его подлыми и нелѣпыми намеками.

Простите мнѣ эти подробности—онѣ лежали у меня на сердцѣ. Я ничего не отвѣчалъ на нападки; чувство глубокаго приличія, которое вамъ легко понять, заставляло меня хранить молчаніе во время войны. Но мнѣ казалось невозможнымъ держать между вами рѣчь, не касаясь этого личнаго вопроса.

Теперь, отвернемся отъ междоусобицъ императоровъ и журналистовъ, и посмотримъ на то, что́ происходитъ въ этомъ *нѣмомъ* краѣ свѣта, который называется Русью.

Тамъ вы встрѣтите два зародыша движенія: одинъ сверху, другой снизу. Одинъ преимущественно отрицающій, разлагающій, разъѣдающій—разсыпается въ малыхъ кружкахъ, по готовъ составить большой, дѣятельный заговоръ. Другой—болѣе положительный, хранящій въ себѣ почки будущаго образованія, находится въ состояніи дремоты и бездѣйствія. Я говорю о молодомъ дворянствѣ и о сельской общинѣ, которая представляетъ основную ячейку всей ткани общественной, животворящее начало славянскаго государства.

Надъ ними—подавляя однихъ, истощая другихъ,—стоитъ казенная Россія; живой курганъ, (какъ я уже разъ сказалъ) притѣснителей, обманщиковъ, взяточниковъ — связанныхъ между собою дѣлежемъ грабительства, завершаемыхъ царемъ и опирающихся на семьсотъ тысячь живыхъ машинъ со штыками.

Императорство никогда не сдѣлается ручнымъ; оно всегда останется опасностью для Европы, несчастіемъ для Славянъ. Оно, по естеству своему, запосчиво, хищно, ненасытно. Очень скудное смысломъ, вовсе не даровитое, во внутреннемъ устройствѣ ему удалось создать

одно—войско. Потому-то воевать ему необходимо, это его ремесло, его спасеніе.

Петербургское правительство не народно; оно слишкомъ держится дворянъ и слишкомъ нѣмцевъ, чтобъ быть народнымъ. Единственная живая мысль, привязывающая къ правительству, это мысль о народномъ единствѣ. Правительство знаетъ это очень хорошо, и пользуется этимъ. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему войну слѣдовало перенесть въ Польшу. Объявленіе Польши независимою было бы хорошо принято не только Малороссами, но и большой частію Великорусовъ; оно было бы принято какъ возстаніе, а не какъ нападеніе.

Будьте увѣрены, что царь ничего столько не опасается какъ независимости Польши. Въ тотъ день, когда въ Варшавѣ будетъ возстановлена Республика, петербургскій орелъ повѣсится за одну изъ своихъ головъ.

Не стану разбирать историческую необходимость солдатскаго и чиновническаго управленія, заведеннаго Петромъ I. Въ отношеніи къ прошедшему, оно, полагаю я, было понятно, даже нужно какъ наказаніе, какъ воспитаніе,

нужно для того, чтобъ спаять части Россіи во-едино. Но теперь его время минуетъ, оно держится лишь искуственнымъ, насильственнымъ образомъ. Съ 1813 года императорская власть въ Россіи становится безплодною. Съ возшествія на престолъ Николая, дѣятельность правительства исключительно отрицательная— оно усмиряетъ, подавляетъ, гонитъ—и только.

Потому, что въ первый день своего вступленія на царство, Николай увидѣлъ людей, которые его устрашили; онъ ихъ никогда не могъ забыть. "Дай честное слово, что ты оставишь свои замыслы, и я тебѣ прощаю," сказалъ онъ Муравьеву.

— "Не нужно мнѣ помилованія, не нужно произвола, отвѣчалъ осужденный на смерть Муравьевъ,—мы хотѣли свергнуть васъ съ престола именно для того, чтобъ не быть зависимыми отъ вашихъ прихотей." Его повѣсили.

— "Вы торжественно поклялись надъ кинжаломъ, въ засѣданіи вашего общества, убить императора?" спросилъ Пестеля предсѣдатель слѣдственной коммиссіи.—"Не правда, отвѣчалъ Пестель, я просто сказалъ, что хочу его убить; не было ни кинжала, ни клятвъ; я никогда терпѣть не могъ мелодрамныхъ сценъ."

И его тоже повѣсили. Веревка порвалась, трое упали на землю, Муравьевъ всталъ и сказалъ: "Проклятая страна, въ которой и повѣсить не умѣютъ!"

Знать, что такого рода люди существовали, не вдалекѣ отъ дворца, что ихъ еще и теперь найдется... не хорошо для высочайшаго сна.

Тридцать лѣтъ Николай ждетъ, чтобъ у него попросили прощенія, ждетъ и не дождется. Смерть прощаетъ несчастныхъ ссыльныхъ. Какіе люди! Какія преданія!

Другой Муравьевъ—ихъ было четверо въ заговорѣ—бывшій полковникомъ генеральнаго штаба, жилъ послѣ десяти лѣтъ проведенныхъ имъ въ каторгѣ, посельщикомъ въ маленькой избѣ срубленной имъ самимъ въ глуши Сибири; съ нимъ жили вмѣстѣ два другихъ каторжника, генералъ Юшневскій и полковникъ Абрамовъ. Въ 1841 г. онъ умираетъ. Два друга сколотили гробъ и понесли покойника въ ближайшую церковь — за десятки верстъ. Старикъ генералъ любилъ Муравьева, какъ мать можетъ любить своего сына. Дорогой онъ не вымолвилъ ни слова; пришедши въ церковь, онъ сталъ на колѣни возлѣ гроба и закрылъ себѣ лицо руками. Когда

покойника отпѣли, дьячекъ, котораго удивила неподвижность Юшневскаго, подошелъ къ нему. Старикъ былъ мертвъ. Абрамовъ побрелъ себѣ одинъ куда-то по снѣжному морю; объ немъ не было послѣ слышно.

Сколько Николай не упорствовалъ въ жестокости, сколько онъ ни обнаруживалъ рѣдкое бездушіе противъ людей свободнаго образа мыслей — образъ-то мыслей онъ не успѣлъ подавить; напротивъ того, онъ сталъ сильнѣе, болѣе возмужалый и болѣе народный.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышла во Франціи замѣчательная книга о Россіи. Сочинитель ея, г. Галэ де Кюльтюръ, только что возвратился изъ Россіи; онъ послѣ меня видѣлъ что̀ тамъ дѣлается. Позвольте мнѣ прочесть нѣсколько строкъ изъ этого сочиненія :*

"Царь не затѣялъ бы этой неправедной войны изъ-за пустаго предлога заступиться за вѣру христіанъ въ Турціи. Онъ по причинѣ весьма важной вышелъ изъ бездѣйствія. Послѣ двадцати-девяти лѣтъ царствованія, онъ не могъ больше управлять Россіей. Бывъ столько времени неограниченнымъ владыкою надо

* "Николай и Русь святая" — (Nicolas et la sainte Russie—par Gallet de Kulture, Paris, 1854, стр. 222).

всѣмъ, онъ подъ конецъ увидѣлъ, что не имѣетъ власти ни надъ чѣмъ. Приближающаяся старость показывала ему не только явный упадокъ его личныхъ силъ, но и упадокъ всего порядка вводимаго имъ. Мысль преобразованія, обновленія, возрастая подобно морскому приливу подъ постояннымъ и неотразимымъ вліяніемъ, подмываетъ изгнившее, старое ученіе самодержавія... Притомъ среди дворянскаго сословія, сословія опаснаго, мятежнаго, составились общества, которыя яростно осмѣивая мѣры правительства, намѣренно держались отъ него по-одаль; они состояли изъ людей съ умомъ, съ сильной волей, съ сильной вѣрой и живою жаждой мести; эти общества привлекали къ себѣ все молодое поколѣніе."

Говоря о донесеніи тайной полиціи о дѣлѣ Петрашевскаго и его товарищей, составившихъ заговоръ 1849 г., авторъ приводитъ слѣдующія слова изъ доклада Липранди Набокову:

"Воспитанники многихъ учебныхъ заведеній напитаны самыми превратными мыслями; каждое слово, каждая строка ихъ отзывается пагубными ученіями. Слѣпо предаваясь имъ, они считаютъ себя призванными преобразовать все общество, все человѣчество, и готовы

стать апостолами и мучениками своихъ несчастныхъ заблужденій. Отъ такихъ людей *можно всего ожидать.* Ничто ихъ не остановитъ; ибо по ихъ убѣжденію, они трудятся не для самихъ себя, а ради всего рода человѣческаго, не для настоящаго времени, а для будущаго."

"Нельзя—сказалъ одинъ очень замѣчательный человѣкъ изъ русскихъ г. Кюльтюру—нельзя опредѣлить когда именно въ Россіи будетъ возстаніе, но оно близко, и облечется въ новый, особый образъ, оно явится въ *русскомъ видѣ*... Весь народъ единогласно воспрянетъ, чтобъ низпровергнутъ порядокъ дѣлъ, издавна осужденный духомъ времени—вооруженное страшилище, покамѣсть еще внушающее страхъ, но уже не возбуждающее ни единой струны въ сердцѣ человѣческомъ. За тѣмъ возникнутъ большія распри; поборники движенія захотятъ новаго, нѣкоторые изъ "Славянофиловъ" пожелаютъ возвратиться къ старой Руси, къ Руси Іоанновъ—между тѣмъ народъ возмется за Робеспьеровскій топоръ и начнетъ срубать чины и головы."

Вотъ, Граждане, что дѣлается подъ ледяной корой, подъ однообразной наружностью сѣвернаго самодержавія. Посмотримъ теперь въ

глубь этого омута, взглянемъ какія тамъ дремлютъ бури-силы, могущія взволновать народныя стихіи.

Прежде всего надобно вамъ сказать, что на Западѣ не только сомнѣваются въ существованіи революціонной партіи въ Россіи, которая по необходимости прячется, но сомнѣваются и въ томъ, что у насъ есть особый бытъ сельскій, т. е. сомнѣваются, такъ или нѣтъ, живутъ пятьдесятъ милліоновъ людей въ двухъ шагахъ отъ Германіи.

Объ этомъ Гакстгаузенъ издалъ три тома; ему не повѣрили—онъ на царской сторонѣ. Объ этомъ говорилъ и я, мнѣ не повѣрили—я на сторонѣ друзей свободы!

По странному противурѣчію, наша сельская община, задавленная сверху властью, опирается на широкую и явно соціальную основу. Права ея велики. Само собою разумѣется, что здѣсь не идетъ рѣчь о правахъ государственныхъ; во всей Россіи одинъ Николай Павловичъ пользуется таковыми; здѣсь рѣчь о правѣ внутренняго управленія и собственнаго распорядка въ дѣлахъ касающихся общины и ея земли. Не стану повторять того, что я столько разъ говорилъ объ устройствѣ русской сельской

общины и ея преимуществахъ; напротивъ того, я намѣренъ указать вамъ на огромный ея недостатокъ.

Русскій крестьянинъ вѣчно остается малолѣтнимъ; онъ никогда не самостоятеленъ; во всѣхъ случаяхъ онъ опирается на общину, прячется за нее. Лицо поглащается міромъ.

Согласовать личную свободу съ *міромъ*, тутъ вся задача соціализма. Она не разрѣшена Соединенными Штатами Сѣверной Америки, еще менѣе разрѣшена славянской общиной. Славянская сельская община—безсознательный зародышъ, который будетъ вызванъ къ дѣятельной жизни лишь тогда, когда каждый человѣкъ въ общинѣ потребуетъ себѣ всѣ права принадлежащія ему какъ особѣ, *не утрачивая* притомъ правъ, которыя онъ имѣетъ какъ членъ общины.

Вотъ этой—непокорной личности, этой закваски революціонной и недоставало семейнообразной общинѣ русской. Она бы долго еще могла ужиться съ царемъ, тѣмъ больше, что ему мало выгоды нарушать ея права. Но есть законъ судебъ, по которому сами властители вызываютъ народы къ возстаніямъ.

Крѣпостное состояніе, исподволь, лукаво

введенное въ семнадцатомъ столѣтіи, приняло въ восемнадцатомъ огромные размѣры : болѣе трети всѣхъ земледѣльцевъ было отдано въ частное владѣніе.

Народъ не разъ возставалъ, болѣе ста тысячь людей стояло на Волгѣ съ Стенькой Разинымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ перевѣшалъ тысячи мятежниковъ. Престолъ Екатерины II былъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду потрясаемъ Пугачевымъ. Привезенный въ Москву въ клѣткѣ, Пугачевъ былъ казненъ, порядокъ восторжествовалъ, крѣпостной народъ былъ побѣжденъ.

Александръ I остановился въ изумленіи передъ чудовищемъ крѣпостной власти. Онъ понялъ зло, но не нашелъ противъ него средства ; онъ не смѣлъ ни потворствовать ему, ни искоренить его. Преступленіе было совершено, царь былъ связанъ съ помѣщиками, народъ отлученъ отъ него дворянствомъ. Голосъ царя не могъ больше доходить до него... И когда Николай — этотъ всемогущій императоръ — осмѣлился въ Апрѣлѣ 1842 г. дать дворянству *робкій совѣтъ* полюбовно уладить дѣло съ крестьянами, министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій прибавилъ къ его совѣту такое поя-

сненіе, что блѣдныя слова Николая потеряли всякое значеніе. Циркуляромъ министра предписывалось губернаторамъ считать мятежниками тѣхъ крестьянъ, которые вздумали бы принять за *обязательный*, августѣйшій совѣтъ императора.

Лучь вольности промелькнулъ предъ глазами несчастнаго крѣпостнаго—и исчезъ. Смутные слухи шопотомъ разнеслись по народу и остались у него въ памяти. Мѣстныя возстанія, убійства помѣщиковъ, которыя такъ часто случаются на Руси, умножились. Въ Симбирской губерніи крестьяне устроили-было *облаву* на помѣщиковъ. Въ Тамбовской собрались люди *разныхъ* волостей и пошли вооруженные кольями и топорами, неся съ собой солому, отъ одного господскаго дома къ другому; передъ ними шла крестьянка босая, простоволосая и пѣла похоронныя молитвы и псалмы — она пѣла, а домы горѣли и въ нихъ помѣщичьи семьи.

Я много жилъ съ нашими крестьянами—и не только глубоко люблю ихъ, но и знаю довольно хорошо. Ребенкомъ, я проводилъ каждое лѣто въ помѣстьяхъ отца моего; въ ссылкѣ я имѣлъ цѣлыхъ семь лѣтъ, чтобъ изучить

крестьянина отъ Урала и Волги до Новгорода, и клятвенно увѣряю васъ, Граждане, что въ крестьянахъ внутреннихъ губерній меньше низости, меньше раболѣпства, чѣмъ въ петербургскомъ вельможествѣ, въ царедворцахъ и чиновникахъ.

Это замѣтили и Кюстинъ и Гакстгаузенъ, и добросовѣстный ученый Блазіусъ.

Воля Россіи начнется съ возстанія крѣпостныхъ или съ ихъ освобожденія. Русскій мужикъ слышать не хочетъ объ увольненіи его въ состояніе бездомнаго бобыля (пролетарія). Онъ хочетъ земли—и онъ правъ въ этомъ; земля будетъ за нимъ. Дворяне были-бы рады отпустить крестьянъ на волю, оставивъ за собой всѣ земли.

Пестель говорилъ своимъ друзьямъ : "Мы можемъ отдѣлаться отъ царя, можемъ, пожалуй, провозгласить республику — и все-таки мало будетъ толку. У насъ не будетъ всенароднаго возстанія доколѣ мы не коснемся поземельной собственности дворянъ. Мужику нужна земля."

Это было сказано передъ 1825 г. Теперь и правительство и дворянство поняли, что "*мужику нужна земля.*" Опыты свести крестьянъ на самомалѣйшую долю земли были сдѣланы, и не удались.

Какъ раздѣлить земли,—указываетъ самое положеніе дѣлъ и духъ народа. Мужикъ хочетъ себѣ лишь мірскую землю, лишь ту, которую онъ оросилъ потомъ лица своего, которую пріобрѣлъ святымъ *правомъ работы;* больше онъ не требуетъ. Мужикъ русскій не вѣритъ, чтобы мірская земля могла принадлежать иному нежели міру. Онъ скорѣе вѣритъ, что онъ самъ принадлежитъ землѣ, нежели что землю можно отнять у міра. Это чрезвычайно важно!

Всѣ вопросы, относящіеся до собственности, подлинно—вопросы религіозные, основанные на вѣрованіяхъ, на догматахъ. *Вмѣстѣ съ вѣрой падаетъ дѣло,* исчезаетъ фактъ.

Теперь сообразите : между крестьяниномъ *вѣрящимъ*, что земля принадлежитъ міру, и молодымъ дворянствомъ *не вѣрящимъ* въ свое право владѣнія, нѣтъ ничего кромѣ грубой власти, мертвящей привычки, безсмысленнаго невѣжества, старающагося поддерживать старое. Никакихъ преданій, никакихъ вѣковыхъ, завѣтныхъ опоръ для престола ; онъ не окруженъ ни почтеніемъ въ глазахъ народа, ни спаянъ съ выгодами торговаго сословія. Духовенство греко-россійское слишкомъ смиренно, слишкомъ мало-тѣлесно, чтобъ вступаться въ дѣла

міра сего; оно осталось византійскимъ и воздаетъ кесарю кесарево, не много заботясь о томъ, что таковъ кесарь.

Отличительная черта петербургскаго императорства состоитъ въ томъ, что оно не становится монархическою властью; оно неограниченная диктатура, и больше ничего. Въ какой-бы видъ царь ни облекся—представляй онъ изъ себя пану восточнаго, фельдфебеля прусскаго, хана татарскаго, онъ все-таки ничто иное, какъ представитель грубой силы и уже минующей исторической необходимости.

Въ Россіи впрочемъ ничто не носитъ на себѣ отпечатка косности, застоя, оконченности, которыя встрѣчаешь у народовъ выработавшихъ себѣ долгимъ трудомъ формы быта, отчасти соотвѣтствующія ихъ образу мыслей.

Не забудьте сверхъ того, что Россія не знала почти нисколько трехъ бичей сильно останавливающихъ Западъ — католицизма, римскаго права и господства мѣщанъ. Это весьма упрощаетъ вопросъ. Мы идемъ вамъ на встрѣчу въ будущемъ переворотѣ; намъ не нужно для этого проходить чрезъ тѣ топи, по которымъ вы прошли; намъ не нужно истощать свои силы въ полумракѣ тѣхъ государственныхъ

формъ, которыя можно назвать между *волкомъ и собакой* и которыя нигдѣ не произвели великаго и сильнаго, кромѣ тамъ гдѣ онѣ народны.

Намъ вовсе не нужно продѣлывать вашу длинную, великую эпопею освобожденія, которая вамъ такъ загромоздила дорогу развалинами памятниковъ, что вамъ трудно шагъ сдѣлать впередъ. Ваши усилія, ваши страданія для насъ поученія. Исторія весьма несправедлива, *поздно приходящимъ* даетъ она не оглодки, а старшинство опытности. Все развитіе человѣческаго рода есть ничто иное какъ эта хроническая неблагодарность.

Безъ воспоминаній, безъ обязанностей относительно прошедшаго, мы находимся въ томъ положеніи, въ которомъ въ Европѣ находится рабочій классъ и безсобственники. Мы и они лишены наслѣдства, намъ и имъ отъ нынѣшняго свѣта достались въ удѣлъ одни оскорбленія, одни несчатія—потому мы не принимаемъ его судьбу очень къ сердцу.

Полицейскій чиновникъ былъ правъ, говоря, "что насъ ничто не остановитъ." Нѣтъ у насъ ничего общаго ни съ старой Россіей, ни съ старымъ міромъ. У насъ ничего нѣтъ—да есть *отвага*-надежды!

Мы ничего не сдѣлали. Тѣмъ лучше! тѣмъ больше остается дѣла для насъ. Пора рабочая для насъ настаетъ. И потому-то нужно, чтобъ вы знали славянскихъ братій вашихъ. Бѣдный европейскій работникъ долженъ знать, что бѣдный русскій крестьянинъ не падшее, одичалое существо, а человѣкъ очень несчастный, имѣющій съ нимъ одинакія стремленія и удрученный одинакимъ рокомъ...

Поле общественнаго переворота расширается. ... Развѣ мы не видали Вѣну возмутившеюся? ... короля прусскаго стоявшаго съ обнаженною и повинной головою передъ народомъ?—Все это миновало какъ сонъ—но бываютъ сны пророческіе. И эта сходка всѣхъ выходцевъ въ Лондонѣ, этотъ обмѣнъ мыслей, это взаимное пониманіе, этотъ общій уровень, на который мы становимся, *это не сонъ*. Нѣтъ! это не сонъ, потому, что англичанинъ протягиваетъ намъ руку; а Вы знаете, *когда англичанинъ даетъ руку, онъ даетъ и сердце!*—И Русскій приглашенъ участвовать въ этой поминкѣ февральскаго возстанія!... Развѣ Вы не видите въ этомъ признаковъ, *знаменій?*

Посмотрите на эту залу—посмотрите на эти обломки всѣхъ бурь, изгнанниковъ всѣхъ

странъ, старыхъ бойцовъ и молодыхъ ратниковъ противъ всѣхъ тиранствъ, сошедшихся праздновать страницу изъ лѣтописи революціи и именно тогда, когда *Она*, отчизна революціи, не имѣетъ права торжественно помянуть свое прошедшее! тогда какъ Франція погружена въ дремоту, истощившись лучезарно свѣтя революціей на весь міръ.

Велика судьба Франціи! — она двигаетъ впередъ даже тогда когда сама идетъ вспять! — Такъ, поборая соціализмъ, она возвысила его на степень грозной мощи, признанной и ратующей.

Все содѣйствуетъ революціи—ибо все содѣйствуетъ Будущему!

Оставимъ-же мертвымъ хоронить мертвыхъ! Давно забытыя надежды снова возникаютъ.— Борьба *ихъ* между собою принесетъ *намъ* пользу; они не подозрѣваютъ, что побѣждаютъ для насъ. Царства и цари пройдутъ, но соціализмъ не пройдетъ. Развѣ Вы не узнаете— это юный *Наслѣдникъ* отходящаго старца!

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о

ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

1855.

Да здравствуетъ разумъ!

А. ПУШКИНЪ.

Полярная Звѣзда скрылась за тучами николаевскаго царствованія.

Николай *прошелъ* и Полярная Звѣзда является снова, въ день нашей Великой Пятницы, въ тотъ день, въ который пять висѣлицъ сдѣлались для насъ пятью распятіями.

Русское періодическое изданіе, выходящее безъ цензуры, исключительно посвященное вопросу русскаго освобожденія и распространенію въ Россіи свободнаго образа мыслей, принимаетъ это названіе чтобъ показать непрерывность преданія, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство.

Россія сильно потрясена послѣдними событіями. Что бы ни было, она не можетъ возвратиться къ застою; мысль будетъ дѣятельнѣе, новые вопросы возникнутъ — неужели и они должны затеряться, заглохнуть?—

Мы не думаемъ. Казенная Россія имѣетъ языкъ и находитъ защитниковъ даже въ Лондонѣ. А юная Россія, Россія будущаго и надеждъ не имѣетъ ни одного органа.

Мы предлагаемъ его ей.

Съ 18 Февраля [2 Марта] Россія вступаетъ въ новый отдѣлъ своего развитія. Смерть Николая больше нежели смерть человѣка, смерть началъ, неумолимо строго проведенныхъ и дошедшихъ до своего предѣла. При его жизни они могли кой-какъ держаться, упроченныя привычкой, опертыя на желѣзную волю.

Послѣ его смерти—нельзя продолжать его царствованія.

Мы не сражаемся съ мертвыми. Съ той минуты, какъ докторъ Мандтъ шопотомъ сказалъ Наслѣднику: "Каротида не бьется больше"—страстность въ нашей борьбѣ замѣнилась холоднымъ разборомъ прошлаго царствованія.

Двѣ главныя мысли, безъ всякаго единства, мѣшавшія другъ другу, опредѣляютъ характеръ николаевскаго правленія.

Продолженіе Петровскаго преданія въ внѣшней политикѣ;

Противодѣйствіе Петровскому направленію въ внутреннемъ развитіи;

Расширеніе предѣловъ и вліянія въ Европѣ и Азіи, съуживаніе всякой гражданственности въ Россіи.

Все для государства, т. е. для престола, ничего для людей.

Воротиться къ патріархально - варварской власти царей московскихъ, не утратя ничего изъ цезарскаго величія петербургскаго императорства, такова была задача Николая.

Царь московскій, этотъ византійскій деспотъ, окруженный попами и монахами, одѣтый въ какой-то золоченый халатъ, ограниченный китайскимъ церемоніаломъ и дурнымъ государственнымъ устройствомъ, всего меньше солдатъ. Императоръ петербургскій, какъ только отказывается отъ образовательныхъ началъ Петра—только солдатъ.

Николай съ перваго дня своего воцаренія объявляетъ войну всякому образованію, всякому свободному стремленію. Онъ подогрѣваетъ вялое православіе, гонитъ уніатъ, уничтожаетъ вѣротерпимость, не пускаетъ русскихъ за границу, обкладываетъ безобразной пошлиной право путешествовать, терзаетъ Польшу за ея политеческое развитіе, открываетъ мощи, которымъ Петръ запретилъ являться, и смѣло ста-

витъ на своемъ знамени, какъ бы въ насмѣшку великимъ словамъ на хоругви французской революціи : *Самодержавіе, Православіе, Народность !*

Самодержавіе — какъ цѣль. Вотъ наивная философія исторіи русскаго самодержца.

Ему все удается. Не потому, чтобъ онъ имѣлъ чрезвычайную силу,* а потому, что низость міра его окружавшаго—была чрезвычайна.

Вершина его величія была та минута, когда онъ прочелъ донесеніе Паскевича : "Венгрія у ногъ в. в!" Николай забылся до кротости, ему было жаль, когда свирѣпый мальчишка перевѣшалъ генераловъ, отдавшихся ему на слово.

Но не одна Венгрія была у его ногъ, а вся Европа. Ибо вездѣ былъ свой Гёргей, много Гёргеевъ.

Орлеанскіе журналы, смиренно прощая оскорбленія Николая Людовику Филиппу, называли его Агамемнономъ и звали спасать то образованіе, во имя котораго начали союзники войну противъ него.

---

* Какъ я сказалъ въ Гановеръ-Румѣ на годовщинѣ польской революціи въ 1853.

Мѣщане становились на свои жирныя колѣнки — и звали русскія пушки на защиту собственности и религіи.

Австрія была *до того* обязана Николаемъ, что хотѣла, по словамъ Шварценберга *удивить* міръ своей неблагодарностію. Это много значитъ въ классической странѣ коварства и неблагодарности!

Прусскій король *пилъ* за его здоровье. Остальные разночинцы изъ нѣмецкихъ владыкъ *пьли* на его счетъ, приданое великихъ княженъ.

Николай торжествовалъ. Но возлѣ Зимняго Дворца, т. е. возлѣ Петропавловской крѣпости, открыли общество Петрашевскаго. Стало, революціонная мысль при всѣхъ усиліяхъ не убита, бродитъ въ умахъ, заставляетъ биться сердца. Появленіе этихъ благородныхъ, самоотверженныхъ, прекрасныхъ юношей передъ комиссіей было зловѣщимъ memento mori для Николая. Призракъ 14 Декабря являлся не даромъ черезъ двадцать пять лѣтъ, цвѣтущій, поюнѣлый. Что-же было выиграно страшнымъ гнетомъ дома и вселенской низостію?

Къ тому-же послѣ торжества наступила страшная пустота. Безплодность самодержавія,

ставящаго себя цѣлью, оказалась вполнѣ на другой день послѣ побѣды.

Ни одной плодотворной мысли, ни одного улучшенія, все сѣдѣетъ вмѣстѣ съ Николаемъ, старѣется, костенѣетъ. Онъ могъ одно сдѣлать, освободить крестьянъ, онъ хотѣлъ этого — но трудно, страшно трудно для неограниченнаго монарха—дать чему-нибудь волю...

Въ томъ-же положеніи находился другой деспотизмъ. Онъ тоже торжествовалъ; онъ тоже усмирилъ свою Польшу, его Польша называется только Франціей. Порядокъ царилъ въ Парижѣ и ему было нужно что-нибудь дѣлать.

Наполеонъ и Николай играли другъ другу въ масть. Они выдумали войну.

Война все перемѣнила! Николай первый упалъ въ пропасть открытую имъ; онъ не послѣдній—будьте увѣрены.

Николаевское управленіе опущено съ нимъ вмѣстѣ въ могилу. Не бойтесь, оно не воскреснетъ; можетъ быть хуже, но не можетъ быть того-же.

Мы почти ничего не знаемъ о его преемникѣ. По обстоятельства его восшествія на тронъ опредѣляютъ долю его положенія, помимо его воли.

Какая разница!

Шаткой ногой входитъ Николай на престолъ, вмѣсто старшаго брата своего. Его встрѣчаетъ бунтъ, онъ побѣждаетъ его картечью, но за падшими рядами открывается колосальный заговоръ. Въ немъ вся Россія—крестьянинъ представленъ солдатомъ; Рюриковъ домъ — князьями; генералы покрытые славой, люди покрытые почетомъ, литераторы, офицеры, чиновники въ Петербургѣ, въ Москвѣ, вездѣ— участвуютъ въ заговорѣ. Онъ боится знать, что Адлербергъ, его другъ, Суворовъ, внукъ князя италійскаго, замѣшаны—и освобождаетъ ихъ отъ суда; императоръ Александръ чуть не участвуетъ самъ въ заговорѣ; Сперанскій и Карамзинъ писали по его приказу хартіи.

Николаю предстояли двѣ дороги, сдѣлаться главой движенія, овладѣть имъ и идти впередъ, или задавить его и идти противъ теченія, пока есть силы. Онъ выбралъ послѣднее и до настоящей войны выдержалъ свою роль. Но движеніе, которое его увлекло въ войну, лучшее доказательство, что онъ не остановилъ, не осилилъ его, и человѣкъ, начавшій тѣмъ, что обезоружилъ все—мысль и руку, кончилъ призваніемъ къ оружію всей Россіи, даже крѣпостной.

Что-же похожаго на Четырнадцатое Декабря въ Восемьнадцатомъ Февраля? Нельзя новому императору отвѣчать картечью на геройскую защиту Севастополя; нельзя запретить всякое слово, когда къ нему приходятъ одни сказать, что они даютъ свою кровь, другіе, что они даютъ свои деньги на защиту Россіи. А Россія не хотѣла войны, она раззорена ею, война очевидно не нужна для нея. Но тутъ уже рѣчь не о быломъ, не о желаніи, а о спасеніи цѣлости государства; народъ идетъ поправлять своей кровью царскую вину—а ему новый царь будетъ отвѣчать Сибирью, новымъ гнетомъ?—Полноте!

Въ 1825 году вся Европа стояла за Николая, въ 1855 вся Европа противъ Александра. Легко пренебрегать стономъ народнымъ, когда нѣтъ внѣшняго врага, но трудно посылать людей на смерть, съ оскорбленіемъ и браннымъ словомъ на прощанье. Они добудились до тото, что война становится народной. Народъ снова имѣетъ нѣчто общее съ царемъ—оттого-то царь и будетъ зависѣть отъ него.

Четырнадцатое Декабря родилось тоже въ минуту одушевленія, когда народъ въ первый разъ послѣ Пожарскаго шелъ рука въ руку съ

правительствомъ. Мысль русскаго освобожденія явилась на свѣтъ въ тотъ день, когда русскій солдатъ, усталый послѣ боевъ и длинныхъ походовъ, бросился наконецъ отдохнуть въ Елисейскихъ поляхъ.

И неужели черезъ сорокъ лѣтъ пройдетъ даромъ гигантскій бой въ Тавридѣ?

Севастопольскій солдатъ, израненный и твердый какъ гранитъ, испытавшій свою силу, такъ-же подставитъ свою спину палкѣ какъ и прежде? Ополченный крестьянинъ воротится на барщину такъ-же покойно, какъ кочевой всадникъ съ береговъ каспійскихъ, сторожащій теперь балтійскую границу, пропадетъ въ своихъ степяхъ? И Петербургъ видѣлъ понапрасну англійскій флотъ?—Не можетъ быть. Все въ движеніи, все потрясено, натянуто... и чтобъ страна такъ круто разбуженная, снова заснула непробуднымъ сномъ?

Лучше пусть погибнетъ Россія!

Но этого не будетъ. Намъ здѣсь вдали слышна другая жизнь, изъ Россіи потянуло весеннимъ воздухомъ. Мы и прежде не сомнѣвались въ народѣ русскомъ, все написанное и сказанное нами съ 1849 года свидѣтельствуетъ объ этомъ. Основаніе типографіи еще

больше свидѣтельствуетъ. Вопросъ шелъ о времени, онъ разрѣшился въ нашу пользу.

Только не слѣдуетъ ошибаться въ одномъ; обстоятельства — многое, но не все. Безъ личнаго участія, безъ *воли*, безъ труда — ничего не дѣлается вполнѣ. Въ этомъ-то и состоитъ все величіе человѣческаго дѣянія въ исторіи. Онъ творитъ ее, и исполненіе ея судебъ зависитъ отъ его верховной воли. Чѣмъ обстоятельства лучше, тѣмъ страшнѣе отвѣтственность передъ собой и передъ потомствомъ.

Мы призываемъ къ труду. Это не много, но физіологически важно; мы сдѣлали первый шагъ, мы раскрыли калитку—*идти ваше дѣло!*...

Первый томъ Полярной Звѣзды выйдетъ *Двадцать шестаго Іюля* (7 Августа), второй къ новому году.

Мы не хотимъ открывать подписки прежде Декабря мѣсяца; для подписки намъ необходимо знать, будутъ-ли намъ посылать статьи, будемъ-ли мы поддержаны изъ Россіи? Тогда только мы и будемъ въ возможности опредѣлить, *три* или *четыре тома* можемъ мы издавать въ годъ.

Планъ нашъ чрезвычайно простъ. Мы желали бы имѣть въ каждой части одну общую статью (Философія революціи, Соціализмъ), одну историческую или статистическую статью о Россіи или о мірѣ Славянскомъ; разборъ какого-нибудь замѣчательнаго сочиненія, и одну оригинальную литературную статью; далѣе идетъ смѣсь, письма, хроника и пр.

Полярная Звѣзда должна быть, и это одно изъ самыхъ горячихъ желаній нашихъ, убѣжищемъ всѣхъ рукописей, топущихъ въ императорской цензурѣ, всѣхъ изувѣченныхъ ею. Мы въ *третій* разъ обращаемся съ просьбой ко всѣмъ грамотнымъ въ Россіи, доставлять намъ списки Пушкина, Лермонтова и др., ходящіе по рукамъ, извѣстные всѣмъ—(*Ода на Свободу*, *Кинжалъ*, *Деревня*, *Пропуски изъ Онѣгина*, *изъ Демона*, *Гавриліяда*, *Торжество смерти*, *Поликратъ Самосскій*. . . .)

Рукописи погибнутъ наконецъ—ихъ надобно закрѣпить печатью.

Первый томъ нашъ богатъ. Писатель необыкновеннаго таланта и рѣзкой діалектики прислалъ намъ, только что разнесся слухъ о Полярной Звѣздѣ, превосходную статью

подъ заглавіемъ "Что такое государство?" Мы перечитывали ее десять разъ, удивляясь смѣлости и глубинѣ революціонной логики автора.

Другой анонимъ прислалъ намъ "Переписку Бѣлинскаго съ Гоголемъ." Переписку эту мы знали прежде отъ самаго Бѣлинскаго, она надѣлала нѣкоторый шумъ въ 1847 году. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакой нескромности ее напечатать, она прошла черезъ столько рукъ, даже полицейскихъ, что печатая ее, мы собственно печатаемъ извѣстное. Бѣлинскій и Гоголь не существуютъ болѣе, Бѣлинскій и Гоголь принадлежатъ русской исторіи; полемика между ними слишкомъ важный документъ, чтобъ не обнародовать его изъ малодушной деликатности.

Съ этими двумя статьями нашъ первый томъ обезпеченъ. Мы печатаемъ въ немъ сверхъ того отрывки изъ "Былое и Думы," разборъ книги Мишле "La Renaissance" и tutti frutti—смѣси.

Richmond (Surrey)
25 Марта (6 Апрѣля) 1855.

ВПЕРЕДЪ! ВПЕРЕДЪ!

ПЕРВАЯ СТАТЬЯ

ВЪ

ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

1856.

Теперь только идите, не стойте на одномъ мѣстѣ, что̀ будетъ, какъ будетъ, трудно сказать, никто не знаетъ, но толчекъ данъ, ледъ тронулся. Двиньтесь впередъ...вы сами удивитесь какъ потомъ будетъ легко идти.

Сегодня утромъ графъ Орловъ бросилъ послѣднюю горсть земли въ могилу Николая, торжественно засвидѣтельствовалъ его смерть и съ тѣмъ вмѣстѣ начало новой эпохи для Россіи.

Война вамъ стоила дорого, миръ не принесъ славы, но кровь севастопольскихъ воиновъ лилась не напрасно, если вы воспользуетесь ея грознымъ урокомъ. Дороги усѣянныя трупами, солдаты изнуренные прежде встрѣчи съ непріятелемъ, недостатокъ путей сообщенія, безпорядокъ интендантства—ясно показали несовмѣстность мертвящаго самодержавія не только съ

развитіемъ, съ народнымъ благосостояніемъ, но даже съ силой, съ внѣшнимъ порядкомъ, съ тѣмъ механическимъ благоустройствомъ, которое составляетъ идеалъ деспотизма. Къ чему послужило угнетеніе мысли, преслѣдованіе слова, вѣчные парады и ученья, къ чему послужилъ полицейскій надзоръ надъ всѣмъ государствомъ съ своими сотнями тысячь входящихъ и исходящихъ бумагъ?

Къ тому чтобы *сорокъ два* года спустя послѣ того какъ блестящій, молодой, либеральный полковникъ М. Ѳ. Орловъ 30 Марта 1814 года, подписалъ капитуляцію Парижа во имя побѣдителей Наполеона—другой Орловъ, старикъ, шефъ корпуса жандармовъ, его братъ, принесъ повинную голову Россіи и принялъ миръ, дарованный ей другимъ Наполеономъ, тоже изъ корпуса жандармовъ.

"Неужели вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите въ ту огромную силу царя, о которой говорятъ?" Сказалъ я въ 1853 г. на польскомъ митингѣ въ Лондонѣ и повторяю мои слова, потому что событія ихъ такъ рѣзко подтвердили. "Россія *сильна*, но *императорская власть, такъ какъ она сложилась теперь*, не способна вызвать этой силы. У ней нѣтъ корней въ народности,

она не русская и не славянская. Это временная диктатура, осадное положеніе возведенное въ основу правительственнаго начала. Она можетъ исторически была необходима, но пережила себя, она совершила судьбы свои въ то время, когда Александръ I взошелъ освободителемъ въ Парижъ, окруженный свитой королей и вѣнценосцевъ, которыхъ онъ удерживалъ отъ грабежа и насилія."

Александръ I зналъ это, онъ былъ какъ-то потерянъ послѣ побѣды, онъ чувствовалъ, что дальше идти путемъ самовластья было невозможно и печально шелъ склоняя голову на встрѣчу 14 Декабря, не имѣя силы ни овладѣть событіями, ни уступить имъ.

Тоже сознаніе, съ другой стороны, доказалъ колосальный заговоръ, въ которомъ участвовали передовые люди всѣхъ дѣятельныхъ слоевъ русской жизни. Оставаться долѣе подъ гнетомъ неограниченнаго самовластья, было такъ нестерпимо, что горсть героическихъ людей гордо бросила вызовъ царской власти "въ самой пасти льва," какъ сказалъ Мишле. Сила одолѣла мысль. Николай остановилъ своей холодной и тяжелой рукой рвущуюся впередъ молодую жизнь, задержалъ всякое движеніе и

достигъ—чего? *Тридцатаго* года своего царствованія надъ мертвой тишиной задавленнаго, молчащаго народа, скованная Польша едва дышала, русская литература остановилась, 14 Декабря было побѣждено, и онъ—представитель и глава реакціи въ Европѣ, захотѣлъ наконецъ попробовать свои силы.

И этотъ тридцатый годъ сдѣлался для него годомъ страшнаго искупленія. Съ безсильнымъ гнѣвомъ, съ сожигающимъ стыдомъ Николай увидѣлъ свое войско, такъ хорошо обученное имъ метать ружьемъ, побитое коммиссаріатомъ, свои суды, управы, совѣты наполненные ворами. Окруженный доносчиками, двумя-тремя полиціями, онъ зналъ всякое либеральное четверостишіе, писанное какимъ-нибудь студентомъ, всякій неосторожный тостъ, произнесенный какимъ-нибудь молодымъ человѣкомъ, но не имѣлъ средства узнать истину, добраться до правды во всемъ остальномъ.

Возлѣ него, рядомъ становилась нагло другая власть, неуловимая, вездѣсущая, кравшая разомъ позолоту съ его трона и желѣзо съ крестьянскаго плуга, недопускавшая одной рукой паекъ до солдата и вырывавшая другой послѣдній кусокъ хлѣба у крестьянина.

За нѣсколько мѣсяцовъ до своей смерти (разсказывали газеты), Николай разсерженный кражею инвалидныхъ суммъ, сказалъ, что онъ знаетъ одного человѣка на службѣ, который не крадетъ и этотъ человѣкъ *онъ самъ*.

Какое сознаніе слабости и какая казнь! Николай умеръ подъ ея тяжестью.

Неужели Александръ и Константинъ, въ добросовѣстности которыхъ мы не имѣемъ права сомнѣваться, воображаютъ, что они искоренятъ зло, отдавши подъ судъ нѣсколько плутовъ и публикуя циркуляры съ критическими замѣтками.

Зло боится свѣта, зло боится гласности, зло боится свободы—но вѣдь всего этого боится и самовластье. Вотъ страшная круговая порука между двумя властями. Воровство вовсе не было національно во Франціи, а десять лѣтъ первой имперіи было достаточно, чтобъ превратить французскихъ генераловъ въ грабителей, префектовъ во взяточниковъ.

Намъ *самимъ* надобно бороться со зломъ, поднять голосъ противъ него, найти совѣтъ и средство, заявить волю и силу, если ихъ не въ самомъ дѣлѣ сломилъ николаевскій гнетъ. Иначе ничего не будетъ.

Но онъ не сломилъ ихъ. Тотъ-же годъ, который былъ такъ беспощаденъ для царя, показалъ намъ снова неисчерпанную, здоровую мощь русскаго народа. Какъ все это странно и полно глубокаго значенія! Русь оживала въ то время, какъ онъ отходилъ и отходилъ оттого, что *не имѣлъ вѣры въ свой народъ.* Онъ зналъ Альму и Евпаторію, но крымской Саррагосы, по богатырской защиты Севастополя не предвидѣлъ.

Воздухъ 1612 и 1812 годовъ повѣялъ въ Россіи при вѣсти о непріятельскомъ нашествіи и ни одинъ человѣкъ не повѣрилъ турецко-крестовому походу за "просвѣщеніе и свободу." Мы не знаемъ чѣмъ-бы кончилась война, еслибъ она дѣйствительно перешла въ народное возстаніе, но мы ради искренно миру и тѣмъ болѣе, что онъ приноситъ не блескъ, а *смиреніе.* Изъ желѣза побѣдоносныхъ мечей куются самыя крѣпкія цѣпи.

Напротивъ, скромный миръ обязываетъ всѣхъ призадуматься о нашемъ положеніи. Всѣ видятъ теперь, что прежній путь никуда негоденъ; но мы увѣрены, что ни правительство, ни вы, никто не имѣетъ опредѣленной мысли, плана, программы. А оставлять буду-

щее на произволъ судьбы—дѣло плохое. Какъ событія измѣняютъ мысль о будущемъ, за это люди не отвѣчаютъ, но желаніе овладѣть ими и воплотить въ нихъ свой разумъ и свою волю —неотъемлемо съ сознательнымъ человѣческимъ развитіемъ.

Мы мало уяснили себѣ наше настоящее положеніе и оттого влекомые внѣшней силой, идемъ на историческую работу какъ на барщину. Причинъ на это много, исключительная національность столько-же мѣшаетъ ясно понимать наше самобытное развитіе, какъ западная цивилизація. Славянизмъ и европеизмъ подставляютъ негодныя, неприлагаемыя, чужія формы, для уловленія нашей жизни, они ее мѣрятъ по другимъ эпохамъ, по инымъ міросозерцаніямъ; ни загробный голосъ праотцовъ, ни сосѣдній умъ не помогутъ разрѣшить его въ полнѣ.* Намъ приходится не только оторваться отъ предразсудковъ общихъ намъ съ нашими врагами, но и отъ предразсудковъ нашихъ друзей и собственно нашихъ.

---

* Не думайте, что мы намекаемъ на то, что у насъ есть программа; мы ее также ищемъ какъ вы, хотимъ искать вмѣстѣ и просто на просто пользуемся нашимъ положеніемъ, дающимъ намъ право свободной рѣчи.

Не одна императорская власть въ своей петровской формѣ дожила свой вѣкъ, но и вся петербургская Россія. То что она могла сдѣлать, она сдѣлала. Намъ надобно освободиться отъ нравственнаго ига Европы, *той* Европы, на которую до сихъ поръ обращены наши глаза.

Западная цивилизація своимъ послѣднимъ словомъ поставила отреченіе отъ "современнаго гражданскаго устройства"; если Европа и осуществитъ ея завѣщаніе, то это именно *не та*, на которую вы смотрите, а Европа чернорабочая, оставшаяся какъ Россія внѣ движенія, задавленная нуждой, бѣдная, обойденная, земледѣльческая и отчасти ремесленная.

Всѣ революціи не удались въ Европѣ потому, что онѣ не касались ни поля, ни мастерской, ни даже семейныхъ отношеній, и были сбиты съ дороги мѣщанствомъ. Намъ нечего заимствовать у мѣщанской Европы, она снова беретъ у насъ ею привитый деспотизмъ.

Мы не мѣщане, мы мужики.

Мы бѣдны городами и богаты селами. Всѣ усилія создать у насъ городское мѣщанство въ западномъ смыслѣ, приводило до сихъ поръ къ тощимъ и нелѣпымъ послѣдствіямъ. Настоящіе

горожане наши—одни чиновники; купечество ближе къ крестьянамъ, нежели къ нимъ. Помѣщики естественно больше сельскіе жители, нежели городскіе. И такъ городъ у насъ почти одно правительство—Россія государственная, а село вся Россія—Россія народная.

Нашу особенность, самобытность составляетъ деревня съ своей общинной самозаконностью, съ мірскою сходкой, съ выборными, съ отсутствіемъ личной поземельной собственности, съ раздѣломъ полей по числу тяголъ. Сельская община наша пережила ту эпоху тяжелаго государственнаго роста, въ который обыкновенно общины гибнутъ и уцѣлѣла въ двойныхъ цѣляхъ, сохранилась подъ ударами помѣщичьей палки и чиновничьяго грабежа.

Естественно, что намъ съ самаго начала представляется вопросъ : Слѣдуетъ-ли *образовать* нашу общину, на основаніи отвлеченной независимости лица и его самодержавнаго права собственности, искореняя въ ней ея патріархальный комунизмъ и семейную круговую поруку или напротивъ, не слѣдуетъ-ли намъ *развивать* ее на ея народныхъ и соціальныхъ началахъ, стремясь къ сохраненію и сочетанію личной независимости, безъ которой

нѣтъ свободы—съ общественной тягой, съ круговой порукой, безъ которыхъ свобода дѣлается однимъ изъ монополей собственника.

Наука Запада и его трагическая судьба даютъ намъ богатыя средства для того, чтобъ приблизиться къ этому, и, можетъ мы ошибаемся, но этотъ вопросъ намъ кажется важнѣе всѣхъ хартій, кодексовъ, раздѣла властей, словомъ, всѣхъ бѣлилъ и румянъ, которыми старому монархизму придаютъ видъ молодой свободы.

Но коснуться до него намъ мѣшаетъ не царь, а страшное преступленіе крѣпостнаго состоянія. Крѣпостное право, это нечистая совѣсть Россіи, это ея право на рабство. Рубцы на спинѣ мучениковъ и страдальцевъ поля и передней, не на ихъ спинѣ, а на нашемъ лицѣ, на лицѣ Россіи. Помѣщики связаны по рукамъ и ногамъ своимъ нелѣпымъ правомъ.

И такъ первый врагъ, противъ котораго намъ надобно бороться—передъ глазами.

Въ нашемъ неумѣніи разрѣшить этотъ вопросъ есть на первый взглядъ что-то безумное. Молодое дворянство хотѣло его пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ, въ Пензѣ, въ Тамбовѣ, не знаю гдѣ; Александръ I мечталъ

объ немъ; Николай желалъ его. Молодые дворяне сдѣлались теперь пожилыми дворянами, мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться, чтобъ Александръ II противился ему. Кто-же не хочетъ? Кто тотъ сильный, который останавливаетъ разомъ народъ и царя, образованную часть дворянства и страждущихъ крестьянъ?

Это опять фантастическіе boyards russes и вновь изобрѣтенная old muscovite party. Да вѣдь имѣнья этихъ бояръ точно также заложены и просрочены, да и гдѣ-же ихъ сила, конечно не въ нихъ.

Нѣтъ, будемте откровенны, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ оттого не былъ разрѣшенъ, что за него не умѣли приняться, а приняться не умѣли долею оттого, что онъ неразрѣшимъ ни съ точки зрѣнія петербургскаго правительства, развившаго зло и воспользовавшагося имъ, ни съ точки зрѣнія того либерализма, въ основѣ котораго лежитъ религія собственности, безусловное и неисторгаемое признаніе ея во вѣки нерушимой.

И вотъ мы снова становимся лицемъ къ лицу съ высшей общественной идеей Европы, съ той идеей, отъ которой міръ обезумѣвшей

собственности и оторопѣлаго мѣщанства прячется за штыки, депортаціи, за іезуитовъ, за феодализмъ, за невѣжество и за такой деспотизмъ, о которомъ не имѣли понятія даже во время римскихъ императоровъ.

Но какъ-же вы приблизитесь къ разрѣшенію такого сложнаго вопроса? Для этого необходимо обсудить его, обмѣняться мыслями, сличить мнѣнія. Цензура вамъ этого не позволитъ дѣлать въ печати; а полиція не позволитъ это дѣлать словесно. Оно и придется снова бѣжать въ безплодные споры между поклонниками исключительной народности и почитателями космополитической цивилизаціи... Но не грѣшно-ли расточать свои силы на эти мнимыя пренія, истощать свой умъ на эту междоусобицу, въ то время какъ сердце и совѣсть просятъ не того, въ то время какъ грустный крестьянинъ оставляетъ незасѣяннымъ свое поле и идетъ на барщину, а дворовый съ стиснутыми зубами ждетъ розогъ.

Уже хоть-бы мы попросили государя чтобы насъ всѣхъ снова пріобщить къ тѣлеснымъ наказаніямъ, а то это накожное покровительство дворянскихъ спинъ — предоставляющее намъ право быть палачами, изъ рукъ вонъ противно...

... Не ясно-ли, что на первый случай вся программа наша сводится на потребность *гласности* и всѣ знамена теряются въ одномъ — въ знамени *освобожденія крестьянъ съ землею*.

Долой дикую ценсуру и дикое помѣщичье право! Долой барщину и оброкъ! Дворовыхъ на волю!

А съ становыми и квартальными сдѣлаемся потомъ...

31 Марта 1856.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О КОЛОКОЛѢ

1857.

Россія тягостно молчала,
Какъ изумленное дитя,
Когда неистово гнетя
Одна рука ее сжимала!
Но тотъ, который что есть силъ
Ребенка мощнаго давилъ,
Онъ съ тупоуміемъ капрала
Не зналъ, что передъ нимъ лежало,
И мысль его не поняла
Какая есть въ ребенкѣ сила:
Рука—ее не задушила,
Сама съ натуги замерла.
Въ годину мрака и печали,
Какъ люди русскіе молчали,
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ
Одинъ раздался на чужбинѣ;
Звучалъ на почвѣ не родной—
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что изъ боязни
Онъ укрывался-бы отъ казни;
А потому, что здѣсь языкъ
Къ свободномыслію привыкъ

И не касалася окова
До человѣческаго слова.

Привѣта съ родины далекой
Дождался голосъ одинокой,
Теперь юнѣй, сильнѣе онъ...
Звучитъ, раскачиваясь, звонъ,
И онъ гудѣть не перестанетъ,
Пока—спугнувъ ночные сны—
Изъ колыбельной тишины
Россія бодро не воспрянетъ,
И крѣпко на ноги не станетъ,
И непорывисто смѣла—
Начнетъ торжественно и стройно,
Съ сознаньемъ доблести спокойной,
Звонить во всѣ колокола.

Полярная Звѣзда выходитъ слишкомъ рѣдко, мы не имѣемъ средствъ издавать ее чаще. Между тѣмъ событія въ Россія несутся быстро, ихъ надобно ловить на лету, обсуживать тотчасъ. Для этого мы предпринимаемъ новое повременное изданіе. Не опредѣляя сроковъ выхода, мы постараемся ежемѣсячно издавать *одинъ листъ*, иногда *два*, подъ заглавіемъ КОЛОКОЛЪ.

О направленіи говорить нечего; оно тоже, которое въ *Полярной Звѣздѣ*, тоже, которое проходитъ неизмѣнно черезо всю нашу жизнь. Вездѣ, во всемъ, всегда, быть со стороны воли —противъ насилія, со стороны разума—противъ предразсудковъ, со стороны науки—противъ изувѣрства, со стороны развивающихся народовъ—противъ отстающихъ правительствъ. Таковы общіе догматы наши.

Въ отношеніи къ Россіи, мы хотимъ страстно, со всею горячностью любви, со всей силой послѣдняго вѣрованія, чтобъ съ нея спали наконецъ ненужные старые свивальники, мѣшающіе могучему развитію ея. Для этого мы теперь, какъ въ 1855 году,* считаемъ первымъ необходимымъ, неотлагаемымъ шагомъ :

Освобожденіе слова—отъ цензуры !

Освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ!

Освобожденіе податнаго состоянія — отъ побоевъ !

Не ограничиваясь впрочемъ этими вопросами, *Колоколъ* посвященный исключительно русскимъ интересамъ, будетъ *звонить* чѣмъ бы ни былъ затронутъ—нелѣпымъ указомъ или глупымъ гоненіемъ раскольниковъ, воров-

* Программа Полярной Звѣзды.

ствомъ сановниковъ или невѣжествомъ сената. Смѣшное и преступное, злонамѣренное и невѣжественное, все идетъ подъ *Колоколъ*.

А потому обращаемся ко всѣмъ соотечественникамъ, дѣлящимъ *нашу* любовь къ Россіи и просимъ ихъ не только слушать нашъ *Колоколъ*, но и самимъ звонить въ него!

Появленіе новаго русскаго органа служащаго дополненіемъ къ *Полярной Звѣздѣ* не есть дѣло случайное и зависящее отъ одпаго личнаго произвола, а отвѣтъ на потребность; мы *должны его* издавать.

Для того чтобы объяснить это, я напомню короткую исторію нашего типографскаго станка.

Русская Типографія, основанная въ 1853 году въ Лондонѣ, была запросомъ. Открывая ее, я обратился къ нашимъ соотечественникамъ съ призывомъ, изъ котораго повторяю слѣдующія строки:

"Отчего мы молчимъ?

"Неужели намъ нечего сказать?

"Или мы молчимъ только оттого, что мы не смѣемъ говорить?

"Дома нѣтъ мѣста свободной русской рѣчи, —она можетъ раздаваться индѣ, если только ея время пришло...

... "Время печатать по русски внѣ Россіи, кажется намъ, пришло. Ошибаемся мы или нѣтъ? Это покажете вы...

"Дверь вамъ открыта. Хотите ли вы ею воспользоваться или нѣтъ? Это останется на вашей совѣсти.

"Если мы не получимъ ничего изъ Россіи, это будетъ не наша вина. Если вамъ покой дороже свободной рѣчи,—молчите."

Ожидая что будетъ, я принялся печатать свои сочиненія и летучіе листы, писанные другими. Отвѣта не было, или хуже до меня доходили однѣ порицанія, одинъ лепетъ страха, осторожно шептавшій мнѣ, что печатаніе за границей опасно, что оно можетъ компрометировать и надѣлать бездну вреда; многіе изъ близкихъ людей дѣлили это мнѣніе. Меня это испугало.

Пришла война. И въ то время, когда Европа обратила жадное вниманіе на все русское и раскупала цѣлыя изданія моихъ французскихъ брошюръ* и переводъ моихъ Запи-

* "Le Vieux Monde et la Russie" было помѣщено сначала въ англійскомъ Ревю, потомъ въ "L'Homme," потомъ было отпечатано въ Жерсеѣ особо и—все продано до послѣдняго экземпляра.

сокъ на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, быстро расходился,—русскихъ книгъ не было продано и *десяти* экземпляровъ. Онѣ грудами валялись въ типографіи, или разсылались нами на нашъ счетъ, и притомъ даромъ.

Пропаганда тогда только начинаетъ быть дѣйствительной силой, когда она окупается; безъ этого она натянута, неестественна и можетъ развѣ только служить дѣлу партій, но чаще вызываетъ наскоро выращенное сочувствіе, которое блѣднѣетъ и вянетъ, какъ скоро слова перестаютъ звучать.

Меньшинство осуществляетъ часть своего идеала только тогда, когда по видимому выдѣляясь изъ большинства—оно въ сущности выражаетъ его-же мысль, его стремленія, его страданія. Большинство бываетъ вообще неразвито, тяжело на подъемъ; чувствуя тягость современнаго состоянія, оно ничего не дѣлаетъ, чтобы освободиться отъ него; тревожась вопросами, оно можетъ остаться не разрѣшая ихъ. Появляются люди, которые изъ этихъ страданій, стремленій — дѣлаютъ свой жизненный вопросъ; они дѣйствуютъ *словомъ* какъ пропагандисты, *дѣломъ* какъ революціонеры — но въ обоихъ случаяхъ настоящая почва тѣхъ

и другихъ большинство, и степень ихъ сочувствія къ нему.

Всѣ попытки издавать журналы въ лондонской эмиграціи съ 1849 года не удались, онѣ поддерживались приношеніями, не окупались и лопались; это было явное доказательство, что эмиграціи не выражали больше мысли своего народа. Онѣ остановились и вспоминали, народы шли въ другую сторону. И въ то самое время, какъ угасалъ послѣдній французскій листокъ демократической партіи въ Лондонѣ, четыре изданія Прудоновской книги "Manuel du Spéculateur à la Bourse," были расхватаны въ Парижѣ.

Конечно, строгость и свирѣпыя мѣры очень затрудняли ввозъ запрещенныхъ книгъ въ Россію. Но развѣ простая контрабанда не шла своимъ чередомъ вопреки всѣмъ мѣрамъ? Развѣ строгость Николая остановила воровство чиновниковъ? На взятки, на обкрадываніе солдатъ, на контрабанду — была отвага; на распространеніе свободнаго слова—нѣтъ; стало быть нѣтъ еще на него и истинной потребности. Я съ ужасомъ сознавался въ этомъ. Но внутри была *живая вѣра*, которая заста-

вляла надѣяться вопреки собственныхъ доводовъ; и выжидая, я продолжалъ свой трудъ.

Вдругъ телеграфическая депеша о смерти Николая.

Теперь или никогда!

Подъ вліяніемъ великой, благодатной вѣсти, я написалъ программу *Полярной Звѣзды*. Въ ней я говорилъ:

"Россія сильно потрясена послѣдними событіями. Что бы ни было, она не можетъ возвратиться къ застою; мысль будетъ дѣятельнѣе, новые вопросы возникнутъ—неужели и они должны затеряться, заглохнуть?—Мы не думаемъ. Казенная Россія имѣетъ языкъ и находитъ защитниковъ даже въ Лондонѣ. А юная Россія, Россія будущаго и надеждъ не имѣетъ ни одного органа.

"Мы предлагаемъ его ей.

Въ день казни нашихъ мучениковъ—черезъ 29 лѣтъ—вышла въ Лондонѣ первая *Полярная Звѣзда*. Съ бьющимся сердцемъ ожидалъ я послѣдствій.

Вѣра моя начала оправдываться.

Я сталъ вскорѣ получать письма исполненныя симпатіи юной, горячей, тетради стиховъ

и разныхъ статей. Началась продажа, сначала туго и медленно возрастая, потомъ съ выхода *второй книжки* (въ Апрѣлѣ 1856 г.) количество требованій увеличилось до того, что иныхъ изданій уже совсѣмъ нѣтъ, другія изданы во второй разъ, третьихъ остается по нѣскольку экземпляровъ. Отъ выхода второй книжки *Полярной Звѣзды* и до начала *Колокола*, всѣ *расходы по типографіи* покрыты продажей русскихъ книгъ.

Сильнѣе доказательства на дѣйствительную потребность свободнаго слова въ Россіи быть не можетъ, особенно вспомнивъ таможенныя препятствія.

И такъ трудъ нашъ не былъ напрасенъ. Наша рѣчь, свободное русское слово раздается въ Россіи, будитъ однихъ, стращаетъ другихъ, грозитъ гласностью третьимъ.

Свободное русское слово наше раздается въ Зимнемъ Дворцѣ — напоминая, что сдавленный паръ взрываетъ машину, если не умѣютъ его направить.

Оно раздается среди юнаго поколѣнія, которому мы передаемъ нашъ трудъ. Пусть оно болѣе счастливое, нежели мы, увидитъ на *дѣлѣ*

то, о чемъ мы только говорили. Не завидуя смотримъ мы на свѣжую рать, идущую обновить насъ, и дружески ее привѣтствуемъ. Ей радостные праздники освобожденія, намъ благовѣстъ, которымъ *мы* зовемъ *живыхъ* на похороны всего дряхлаго, отжившаго, безобразнаго, рабскаго, невѣжественнаго въ Россіи!

СМЕРТЬ СТАНИСЛАВА ВОРЦЕЛЯ.

Третьяго Февраля, 1857 года, въ небольшой улицѣ не далеко отъ Россель Сквера, въ бѣдной, крошечной комнатѣ нижняго этажа угасла тихо и едва замѣтно, святая и великая жизнь.

Мало политическихъ именъ всплыли послѣ бурь и потрясеній послѣдняго десятилѣтія съ такой чистотою и окруженные такимъ уваженіемъ, какъ имя Ворцеля. Польша считаетъ мученикомъ больше. Она должна съ нами подѣлиться своими Чети-минеями, они намъ нужны для примѣра и поученія сыновей нашихъ.

Да, Ворцель былъ *святой* человѣкъ, я избираю именно это слово, потому что оно ближе всѣхъ выражаетъ главный характеръ его. Вся жизнь его была однимъ подвигомъ безпредѣльнаго самоотверженія, безграничной преданности. Все что насъ поражаетъ въ жизни святыхъ, мы встрѣчаемъ въ немъ, только человѣчественнѣе, т. е. съ большей любовью.

Родившись въ роскоши и блескѣ высшей польской аристократіи, онъ умеръ въ крайности и демократомъ. Выходя изъ своего отечества, когда оно сломилось подъ желѣзной лапой Николая, онъ на порогѣ его стряхнулъ свои титла и пошелъ на чужбину, оставивъ казнѣ все достояніе свое. О послѣднемъ упоминаю мимоходомъ, потому что нѣтъ въ мірѣ народа, который-бы легче славянъ терялъ богатства свои, поляки, кажется довольно это доказали. Ворцель не для того оставилъ Польшу, чтобъ искать спокойной гавани и сложить руки, какъ тѣ римляне первыхъ вѣковъ, которые отказываясь отъ мірскихъ благъ, удалялись куда-нибудь въ ѳиванскія степи, только чтобъ не видать разрушающагося міра и изъ своего farniente дѣлали религію отчаянія. На чужбинѣ то именно и начался его неусыпный, продолжительный трудъ—образованія и развитія демократической партіи польской эмиграціи.

Среди лишеній, несчастій, болѣзней, оставленный своей семьей, женой, дѣтьми, Ворцель трудился день и ночь двадцать шесть лѣтъ къ ряду до послѣдняго дня своей жизни съ той свѣтлой ясностью, съ тѣмъ кроткимъ сомоотвер-

женіемъ, которое даетъ успокоившаяся вѣра и незыблемая надежда.

Слышалъ ли кто-нибудь отъ Ворцеля какую нибудь жалобу лично до него касающуюся? Онъ иногда былъ печальнѣе обыкновеннаго, вотъ и все. Былъ-ли кто-нибудь свидѣтелемъ, часто видаясь съ нимъ, одной изъ тѣхъ минутъ горечи, гдѣ негодованіе заглушаетъ вѣрованія и слова холоднаго сомнѣнія срываются съ устъ, слова, которыми человѣкъ мститъ за свои страданія? Я не былъ, а зналъ его довольно коротко.

Это была одна изъ тѣхъ цѣльныхъ, я скажу фанатическихъ натуръ, проникнутыхъ одной великой мыслью, имѣющихъ одну великую цѣль, и равно дошедшихъ до великой сердечной кротости и до совершенно непреклонной воли. Такихъ людей мы часто встрѣчаемъ на пр. во времена возрожденія и реформаціи. У нихъ нѣтъ возврата, нѣтъ устали, они уже разъ съ *главнымъ* покончили, *до остальнаго* имъ дѣла нѣтъ, они уже все отдали, все принесли на жертву, осталось идти, осталось выполнять, 'ora e sempre'! По дорогѣ нищета, одиночество, измѣны, плачь слабыхъ, крикъ отсталыхъ, смерть близкихъ, цѣпи, висѣлица,—не

сворачивать-же за этимъ съ дороги? Тотъ-же спокойный, строгій, постоянный шагъ.

Таковъ былъ Ворцель и таковъ ближайшій другъ его, человѣкъ, котораго онъ страстно любилъ—Іосифъ Маццини.

Неизмѣнный стражъ Польши, онъ всегда былъ готовъ, всегда на своемъ постѣ. Ледрю-Ролленъ напомнилъ, въ своей рѣчи на могилѣ Ворцеля, трогательныя слова его, которыя за день или за два до своей смерти, онъ, не имѣя силъ сказать, написалъ умирающей рукой: "Я выстоялъ мой чередъ, какъ слѣдуетъ человѣку, я донесъ мой кресть, пусть другой меня смѣнитъ."

При этихъ словахъ Ледрю-Роллена мнѣ вспомнилось другое время. Нѣсколько дней послѣ февральской революціи, Ламартинъ, въ родѣ тѣхъ дикихъ, которыя ложатся въ постель вмѣсто родильницы, принималъ поздравленія съ рожденіемъ республики. Въ числѣ депутацій была кучка посѣдѣлыхъ бойцовъ, съ печальной отвагой на лицѣ; вожатый ихъ сказалъ Ламартину, т. е. не Ламартину, а Французской Республикѣ: "На всякой перекличкѣ народовъ въ годину боя, на всякой призывъ къ оружію за свободу, Польша отвѣ-

чаетъ *Здѣсь*! Она готова по первому зову идти на помощь народамъ утѣсненнымъ, она видитъ въ каждомъ освобожденіи—освобожденіе Польши." И въ этихъ словахъ Ворцеля (если не ошибаюсь) звучало что то печальное, невольно сбивавшееся на упрекъ забытаго, оставленнаго союзника. Неизмѣнный стражъ, онъ и послѣ былъ на лицо, но заснувшіе народы не звали его, и тяжелое колесо самовластья проѣхало по его костямъ.

Да, чуденъ былъ удѣлъ польскихъ выходцевъ, мраченъ и исполненъ поэзіи. "Задавленные силой, преданные западными правительствами, поляки (какъ я писалъ нѣкогда) сражаясь на каждомъ шагу—отступали. Перейдя границу, они взяли съ собой свою родину и не склоняя головы, гордо и угрюмо пронесли ее по свѣту. Европа разступилась съ уваженіемъ передъ торжественнымъ шествіемъ отважныхъ бойцовъ. Народы выходили на встрѣчу; цари сторонились чтобъ дать имъ пройти. Европа тридцатыхъ годовъ проснулась на минуту отъ ихъ шаговъ, нашла слезы и участіе, нашла деньги и силу ихъ дать, будто какое то угрызеніе совѣсти набѣжало на ея душу. Благородный образъ польскаго вы-

ходца, этаго крестоваго рыцаря свободы, сильно врѣзался въ народную память, онъ искупалъ вѣкъ молодушный и холодный."

Съ тѣхъ поръ и это перемѣнилось. Напрасно Польша внѣ родины откликалась во всѣ грозные дни борьбы и опасности, напрасно въ первыхъ рядахъ каждаго боя за волю, стоялъ, мечтая о своей родинѣ, бѣлокурый сынъ Польши и самоотверженно лилъ свою кровь! Польша была забыта. Несчастіе продолжающееся слишкомъ долго изнашиваетъ сочувствіе.

Но . . . пусть кроткая тѣнь нашего усопшаго друга низведетъ миръ и покой на нашу душу.

Будемъ же говорить объ немъ.

Въ концѣ 1852 года, возвращаясь изъ Италіи, я встрѣтилъ Ворцеля въ Лондонѣ. Время было печальное, со всѣхъ сторонъ облежало черными тучами. Весь европейскій материкъ былъ быстро увлекаемъ какой то неистовой силой въ то старческое варварство, въ которомъ онъ теперь находится. Дикая, грубая реакція торжествовала вездѣ. Я старался оторваться отъ печальнаго зрѣлища этой агоніи, заря новаго утра мнѣ виднѣлась съ *другой стороны* и я сосредоточилъ всѣ мои силы на образованіе центра русской пропаганды въ

Лондонѣ. Я сообщилъ Ворцелю мою мысль. Надобно было видѣть радость, участіе, дружбу, съ которыми онъ меня слушалъ, — и онъ, представитель польской демократіи, помогалъ мнѣ самымъ дѣятельнымъ образомъ въ учрежденіи трибуны для вольнаго русскаго слова. Добрый и прекрасный другъ! Я какъ теперь вижу его, съ изнуреннымъ лицомъ и сѣдыми волосами, съ голосомъ сломаннымъ болѣзнію, но съ взглядомъ, въ которомъ горѣлъ умъ и энергія, когда онъ держа въ своихъ рукахъ первый листъ, отпечатанный по русски въ Лондонѣ говорилъ мнѣ: "Боже мой, Боже мой, русская свободная типографія въ Лондонѣ! Сколько дурныхъ минутъ послѣдняго времени стираетъ этотъ клочекъ бумаги, замаранный голландской сажей!". Потомъ онъ сжалъ мнѣ обѣ руки и повторилъ: "Да, мы должны идти вмѣстѣ, у насъ одна цѣль и тѣже враги!"

Русская типографія сначала была соединена съ типографіей польскаго демократическаго общества; Ворцель предложилъ мнѣ всѣ свои средства, чтобъ первые летучіе листы и брошюры дошли черезъ Польшу въ Россію.

Demokrata Polski объявляя объ открытіи русской типографіи и печатая переводы моихъ

статей, помѣстилъ братское воззваніе къ русскимъ, протягивая имъ, на миръ и забвеніе, свою обиженную руку. Тогда то знаменитый историкъ Мишле написалъ мнѣ: "Какая же ненависть имѣетъ право продолжаться, когда поляки соединяются съ русскими?"

Во время войны, ненависть и страхъ снова усилили враждебное расположеніе къ намъ. Ограниченные и печальные безумцы мстили за свою боязнь, нарочно смѣшивая каждаго русскаго, хотя бы онъ былъ Пестель или Муравьевъ съ оффиціальной Россіей. Ворцель, котораго война не ослѣпила ни на минуту, возсталъ съ негодованіемъ противъ этой систематической клеветы. Сначала онъ защитилъ публично Бакунина, (котораго и до сихъ поръ *милосердый* императоръ держитъ въ крѣпости), потомъ и меня, когда пришелъ мой чередъ пройти подъ этими душами грязи.

Замѣчательно, что такой животной ненависти къ русскимъ почти совсѣмъ нѣтъ у поляковъ, которые одни въ свѣтѣ въ правѣ насъ ненавидѣть. Поляки не требуютъ отъ насъ какъ доказательствъ цивизма, чтобъ мы измѣнили отечеству, и въ подтвержденіе нашей искренности, чтобъ мы позорили нашъ народъ. Какъ

только русскій подходитъ къ полякамъ съ сердцемъ обливающимся кровью за всѣ ужасы, надѣланные русскимъ правительствомъ, краснѣя нашихъ общихъ цѣпей, — поляки его принимаютъ какъ брата. Бакунинъ испыталъ это, какъ многіе другіе, какъ я самъ. "Мы васъ любимъ, сказалъ мнѣ разъ Ворцель, говоря объ этомъ, именно потому, что вы любите вашу родину; иначе вы не были бы съ нами, а были бы равнодушный человѣкъ, оставившій свою родину для собственнаго удовольствія."*

За то, прежде чѣмъ Ворцель закрылъ на вѣки глаза, онъ еще видѣлъ съ большею радостію успѣхъ русской пропаганды, ея распространеніе, матеріалы которые получались изъ Россіи, требованіе книгъ и наши отправки. Онъ говорилъ со мной обо всемъ объ этомъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ, недѣль за пять до кончины.

Подробности его біографіи я переведу впослѣдствіи изъ брошюры, которую хотятъ издать его польскіе друзья; здѣсь я прибавлю только нѣсколько строкъ общей характеристики этаго замѣчательнаго человѣка.

---

* Ворцель въ этомъ смыслѣ помѣстилъ двѣ статьи въ "La Nation Belge", въ Ноябрѣ 1853 года.

Ворцель былъ человѣкъ по преимуществу религіозный. Тотъ мистическій складъ, который мы видимъ почти у всѣхъ польскихъ поэтовъ, имѣлъ глубокіе корни въ душѣ Ворцеля, не смущая впрочемъ нисколько его свѣтлаго ума. Это былъ умъ діалектическій, чрезвычайно тонкій и вмѣстѣ съ тѣмъ объемистый. Одаренный въ высшей степени способностію отвлеченнаго мышленія, онъ естественно сдѣлался глубокимъ математикомъ. Но съ своимъ живымъ и удободвижимымъ умомъ, онъ не могъ ограничиться астрономіей и механикой, а послѣдовательно изучилъ всѣ естественныя науки. Его знанія были изумительны. Онъ занимался всѣмъ, интересовался всѣмъ, помнилъ все. Онъ свободно и изящно говорилъ по французски, англійски и нѣмецки, основательно зналъ древнія и новыя литературы. Я иногда прибѣгалъ къ нему какъ къ энциклопедіи и всегда тотчасъ получалъ отвѣтъ; добросовѣстный во всемъ, онъ иногда на другой день присылалъ мнѣ записку, если ошибался въ чемъ нибудь. Эта масса знаній съ радужнымъ хроматизмомъ, который ей придавалъ его мистическій элементъ составляла особенную прелесть его воззрѣнія и его рѣчей.

Но все это, наука и мистицизмъ, исторія и математика, все это было у Ворцеля на второмъ планѣ. Религія его—постоянная мысль всей его жизни—была *религія Польши*. Все остальное было для него отдыхъ, разсѣяніе. Отдавши все на жертву — семью, богатство, цѣлую жизнь—своему дѣлу, онъ хотѣлъ даже самой смертью своей быть полезенъ Польшѣ. Чувствуя приближеніе своего конца, онъ послалъ за Маццини и за двумя-тремя друзьями. Слабый, истощенный, задыхающійся, онъ лежалъ на своемъ маленькомъ диванѣ и не могъ говорить. Нѣсколько оправившись, онъ сдѣлалъ знакъ Маццини, чтобъ тотъ приблизился; его исхудалыя, измученныя черты приняли торжественно-строгое выраженіе и онъ потухшимъ голосомъ, перерываясь отъ тяжелаго дыханія, требовалъ отъ Маццини священнаго обѣта, чтобъ Польша не была забыта при пробужденіи народовъ. Это было грозное "Клянитесь!"* произнесенное на краю гроба духомъ народа, пожертвованнаго другими народами. Маццини взялъ перо, написалъ нѣсколько строкъ и прочелъ ихъ больному. Подавленный чувствами, старикъ не

* 'Swear!' Гамлетова отца.

могъ произнести ни слова...черты его преобразились, глаза еще разъ освѣтились выраженіемъ счастія, ими и нѣмой улыбкой на устахъ благодарилъ умирающій своего друга, ему, казалось, было легче оставить теперь свой постъ.

Недѣлю спустя Маццини говоря со мной объ этомъ, былъ еще сильно потрясенъ и весь подъ вліяніемъ этаго благодарящаго взора, въ которомъ чудно встрѣтились вдохновенная надежда и смерть. Я вспомнилъ Доминикиново причащеніе св. Іеронима передъ смертью, на ватиканскихъ стѣнахъ,—тоже выраженіе, тоже лице и таже вѣра идущая за гробъ, восторженная и преданная!

Девятаго Февраля, выходцы всѣхъ странъ, ...послѣдніе обломки всѣхъ кораблекрушеній, безъ различія партіи и странъ, собрались передъ убогой квартирой покойника. Ничего не было приготовлено, все сдѣлалось само собой, англичанинъ принялъ на себя расходъ, итальянцы явились съ музыкой, русскіе помогли полякамъ донести гробъ до могилы, куда его проводило обвитое крепомъ знамя Италіи и красное знамя будущей Республики. Каждое слово сказанное Ледрю-Ролленомъ на могилѣ,

было словомъ примиренія и кротости. День былъ весенній, солнце такъ рѣдко свѣтящее на лондонскія улицы, придавало что-то торжественное этому пиру смерти. И на насъ повѣяло какимъ-то духомъ мира и согласія. Откуда то взявшаяся надежда посѣтила разомъ сердца многихъ и многіе спросили сами себя: "Отчего разъединеннымъ членамъ великой семьи несчастья и изгнанья, не остаться также соединенными на общее дѣло, какъ они теперь соединены около могилы однаго изъ своихъ?"

И этотъ слабый свѣтъ примиренія сошелъ въ утѣшеніе намъ среди мрака и потерь, въ которыхъ мы живемъ, — отъ гроба святаго мученика.

Еслибъ это было возможно, какой памятникъ, ære perennius воздвигся-бы Ворцелю!

10 Февраля 1857.

СПИСОКЪ

РУССКИХЪ КНИГЪ И БРОШЮРЪ

НАПЕЧАТАННЫХЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІЕЙ

ОТЪ 1853 ДО 1863.

1853.

Юрьевъ День! Юрьевъ День! (Русскому Дворянству).

Поляки прощаютъ насъ!

Крещеная Собственность.

Прерванные Разсказы.

1854.

Тюрьма и Ссылка.

Письма изъ Франціи и Италіи.

Съ того Берега.

Юморъ (Поэма).

1855.

Полярная Звѣзда, кн. I.

Народный Сходъ въ память революціи 1848.

1856.

Полярная Звѣзда, кн. II.

Голоса изъ Россіи, кн. I—IX.

1857.

Полярная Звѣзда, кн. III.

Колоколъ, (издается съ 1 Іюля 1857).

1858.

Полярная Звѣзда, кн. IV.

1859.

За Пять Лѣтъ (1855—1860), Ч. I, Искандера.

Полярная Звѣзда, кн. V.

Подъ Судъ, (издается съ 1 Октября 1859).

1860.

За Пять Лѣтъ (1855—1860), Ч. II, Н. Огарева.

Записки Лопухина.

Историческій Сборникъ, кн. II.

Стоглавъ.

Сборникъ о Раскольникахъ, кн. I.

1861.

Сборникъ о Раскольникахъ кн. II и III.

Полярная Звѣзда, кн. VI.

Библія въ русскомъ переводѣ, (Кн. Бытія, Исходъ, Левитъ, Числъ и Второзаконіе).

Былое и Думы, кн. I.

Полярная Звѣзда, кн. IV, (2 изд.).

1862.

Полярная Звѣзда, кн. VII, (Выпускъ I и II).

Сборникъ о Раскольникахъ кн. IV.

Русская Потаенная Литература XIX столѣтія Томъ I.

Былое и Думы, Томъ II и III.

Разборъ Новаго Крѣпостнаго Права, Н. Огарева.

Народное Дѣло, М. Бакунина.

Солдатскія Пѣсни.

Центральный Варшавскій Комитетъ и Издатели "Колокола,"

Общее Вѣче, (издается съ 15 Іюля 1862).

Записки Декабристовъ, (Выпускъ I, Записки П. Д. Якушкина).

Народъ и Государство, П. Мартьянова.

Записки Декабристовъ, (Выпускъ II и III: Записки кн. Трубецкаго; Разборъ донесенія слѣдственной коммиссіи, Н. Муравьева и Лунина; 14 Декабря, И. Пущина; Бѣлая Церковь и пр.

Собраніе Постановленій по части Раскола, Томъ I, (Выпускъ I).

ВЪ ТИПОГРАФІИ СВЕНТОСЛАВСКАГО.

Крещеная Собственность, (2 изд.).

Прерванные Разсказы, (2 изд.).

Письма изъ Франціи и Италіи, (2 изд.).

Съ того Берега, (2 изд.)

Полярная Звѣзда, кн. I, II и III, (2 изд.).

Полное собраніе Стихотвореній, Н. Огарева.

Старый міръ и Россія.

Историческій Сборникъ, кн. I.

Русскій Народъ и Соціализмъ, (письмо къ И. Мишле).

14 Декабря и императоръ Николай.

Князь М. Щербатовъ и Радищевъ.

Записки княгини Е. Р. Дашковой.

Записки императрицы Екатерины II.

Думы К. Рылѣева.

Кто виноватъ? Искандера, (2 изд.).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе Искандера...	V.
Вольное Русское Книгопечатаніе въ Лондонѣ Братьямъ на Руси..	1
Юрьевъ день! Юрьевъ день! Русскому Дворянству...	9
Поляки прощаютъ насъ!	25
Вольная Русская Община въ Лондонѣ Русскому Воинству въ Польшѣ	41
Видѣнія св. отца Кондратія	53
XXIII Годовщина Польскаго Возстанія въ Лондонѣ. Рѣчь А. Герцена.	69
Народный Сходъ въ память Февральской революціи. Рѣчь А. Герцена...	83
Объявленіе о Полярной Звѣздѣ 1855... ...	109
Впередъ! Впередъ! Первая статья въ Полярной Звѣздѣ на 1856.	123
Объявленіе о Колоколѣ 1857...	139
Смерть С. Ворцеля	151
Списокъ русскихъ книгъ и брошюръ отъ 1853—1863.	167

ОТПЕЧАТАНО ВЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ
136 & 138, Caledonian Road, London, N.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 062966442